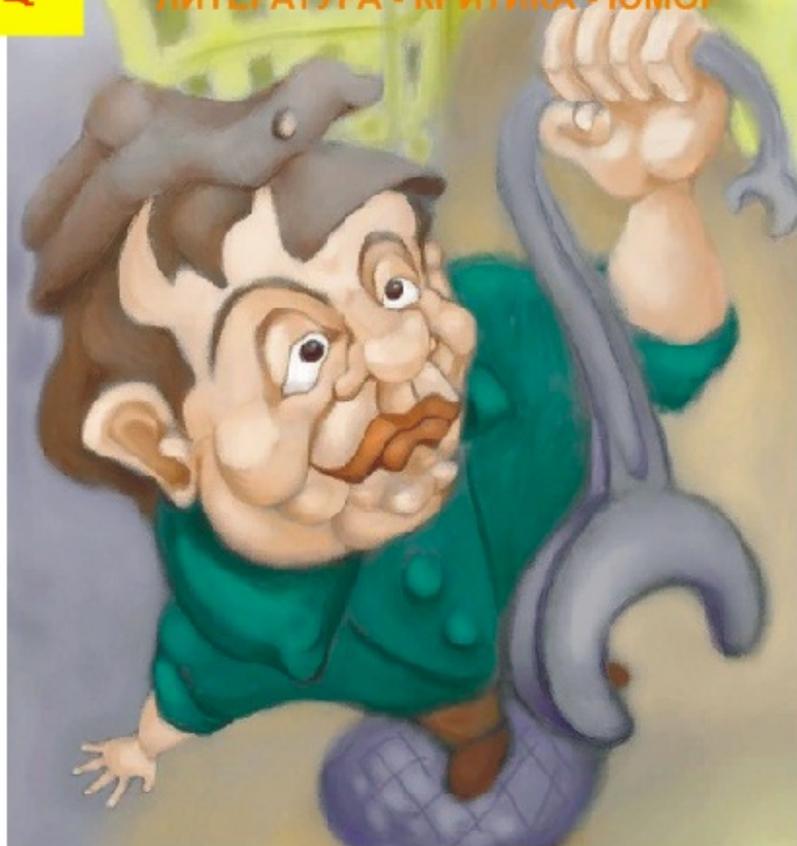

ДЕКАБРЬ
2023

Электронный журнал

БУЗОВИК

ЛИТЕРАТУРА - КРИТИКА - ЮМОР

В НОМЕРЕ

ИГОРЬ ПЕТРАКОВ. РАССКАЗЫ
РИСУЕТ ЕВГЕНИЙ БЕРДЫШЕВ
ДМИТРИЙ АНИКИН. ТИТИР.

Бузовик. Декабрь 2023. №8. Страница 2

Омский литературный журнал

БУЗОВИК

Литература - Искусство — Критика

Основан 19 мая 1995 года

№8 (44 - декабрь) 2023

Главный редактор Игорь Петраков

Почетная редколлегия

Ольга Бердышева, Марина Савелова, Олег Усаков, Роман

Шарашев

(с) Бузовик, 2023

Электронная версия

При перепечатке необходимо упоминание "Бузовика". При использовании материалов в интернете - активная ссылка на сайт lik.bitrix24.site или buzovik.ucoz.org

Все авторские права соблюдаются. Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов публикаций. Ответственность за содержание публикаций и правильность приводимых цитат несет автор.

Рукописи и рисунки принимаются в электронном виде по почте - rettrak-igor@yandex.ru.

Граждане! Становитесь авторами "Бузовика"!

К публикации принимаются тексты и рисунки, не содержащие ненормативную лексику, порнографию, призывы к экстремизму или межнациональной розни.

Орфография авторов сохранена.

СОДЕРЖАНИЕ

Поэзия

Юрий Тубольцев. Абсурдистика. Сборник стихов. 4
Дмитрий Аникин. Титир. 9

Проза

Игорь Петраков. Любимое стихотворение. Омск — город контрастов. Панихида. Первая работа. Проходка. Рассказы . . 21
Виктор Власов. Мечта дяди Ирвина. Рассказ. Первая часть. . 42
Рисует Евгений Бердышев 54

Юмор

АЛЬФ. Семейные истории Таннеров 58
Ноябрьские записки 53 группы 68

Поэзия

Юрий Тубольцев

Абсурдистика

Сборник стихов

Вне игры

Как твоя суета-маята?
Пустота, кривота, левота!
Ты архетип ребёнка и шута..
Не живи в пустоте и лжи,
Маски прочь отложи,
Будь собой без игры,
Не сбегай в лжемиры.
Избегай пустомиров,
Низводи лжекумиров.

*

Не знаю я, где верх – где низ,
Да, я, да, я – постмодернист!
Во мне есть архетип ребенка и шута,
Но в зеркале я – сволота.
У человека две проблемы: пустота и чернота.
Нет, я не быдло, не шпана, не гопота,
Я догоню Вас: доброта и красота!
Во мне размером с целый мир мечта!
Но цели нет,
Меня переполняет суета.
Не тормози меня – неполнота!
Опять моя дорога не чиста.
И не начать жизнь с чистого листа.

Во мне есть архетип кота, пса и шута,
Но душу победила пустота,
Во мне есть чернота, но есть и красота,
Но в зеркале – сплошная кривота!
Лезли добро, истина и красота,
А вылезла чернота.
Для слова важны простота и острота.
А мне милей живая кривота.
А я дурею, у меня в душе инста*!
А я бурею, в моем слове пустота!
А что мне делать, коли я подлец?
Другими были дед, и прадед, и отец!
И шансов на успех - один из ста.
Я лучше всех, я хуже всех,
И с уст слетает мерзлота.
Я тенью своего желанья стал,
Во мне дух истины пропал.
Мне быть собою запаadlo.
Я вижу в зеркале мурло.
Мне надоел обычный виртуал,
Мне нужен сюрвиртуализм!
Чтоб мега-псевдобайтом стал,
Чтоб я себя не узнавал
В лжеотраженьях квазилиц..
Быть роботом очеловеченным мне лучше,
Чем человеком ороботизированным слыть.
Играть в себя, не будучи собой — ужасно скучно.
Не знаешь никогда, что скрыть, а что — открыть.

*(Владеющая социальными сетями Facebook и Instagram компания Meta признана в России экстремистской организацией»).

Язык

Для языка нет тупика.
Язык всегда в пути.
Он и шутник,
И истины сверхпроводник!

*

Яя

#эпатажизм

Я тот же самый парень,
Нет, я не перерос,
И снова меня тянет
Девчонок тыкать в нос.
Хочу я, может, куклу,
А, может, человека,
А, может, съем я булку,
Желудок ждет победа!
Не от злобы я и не от дури.
От своей я от чистой души.
Говорю себе честно, о Юрий,
Не пиши ты стихов. Не пиши.

*

Возмужание тинейджера
Я больше не тот парень,
Я это перерос,
Меня уже не тянет
Девчонок тыкать в нос.
У жизни научился
Словами не трепать.
А, что не получилось,
Не переживать.
Я знаю, что мне нужно,
И знаю, что не так.
Шагаю я по лужам,
И в голове – бардак!
Остепениться надо ль?
Банальности не раб я,
Махну-ка я за рамки,
Найду свою я правду!
А что не получилось,

То к лужицам вопрос.
По жизни я бродяга.
Есть у меня свой путь.
За пазухой есть фляга.
С пути мне не свернуть.

*

- И так бывает, что рыба рыбака съедает.

*

Закон парного случая
По закону парного случая
Есть два солнца и две луны.
И если верить предсказанью,
Миры сталкиваются вдруг.

И разделяются реалии,
Не зная о невозможности совпадений.
Но если смог бы я выбрать,
То жизнь была бы ярче вдвойне.

*

Маргинал
Мне говорят – не маргинал,
Нет мата и на чтеньях не орал.
Не можешь развязать скандал,
У полицейских не бывал,
Ну где же твой потенциал?
Не с тех берешь пример!
А ну-ка быстро маргинала срисовал!
Но я ответить им готов:
Я маргинал внутри своих стихов.
Я смело выражаю мысли,
Цензуры, правил – нет!
Я сам себе авторитет,
В словах не притворюсь,

И мне неважно, что тут скажут,
Иду своим путем, иду вперед!
А если словом я стрельну –
То не промажу!

*

Козыри
У тебя что, козыри?
Не играй до одури!
Или, правда, козыри?
Или отмороженный?
Не играю в карты я,
Не нужны мне козыри,
Честным и достойным быть –
Это будет козырем!

*

Кто-то
Кто-то в твоей жизни есть,
Кто-то в твоей жизни жрать,
Кто-то в твоей жизни ест,
А кто-то в твоей жизни жрёт!

•

Шляпа
Черный квадрат – это ты!
Черный квадрат – это я!
Черный квадрат – это они!
Черный квадрат – это мы!
Не буду больше писать стихи,
Начну сочинять поэмы!
Такие же черные
И квадратные.

Дмитрий Аникин.

Титир.

1

Титир
И возвращается ко мне
в недобрый час
угрюмость, нелюдность моей юности...

Я ничего, выходит, не забыл
и ничему
совсем
не научился.

Я более смешон,
поскольку стар,
умен во всем другом,
удачлив даже.

И Эрос,
нелюбитель серой кожи,
морщин, седин,
расшатанных зубов
и прочего,
от смерти что во мне, –
посмотрит в мою сторону,
скривится..

2

А всякая любовь любви подобна
другой, как жизни – смерть, и что-нибудь –
еще чему-нибудь,
и мысли – мысль...

3

Тигир

Ну, иди, книжонка моя, на рынки,
а не дорожусь, а разбогатею,
если каждый, бывший с моей девчонкой,
купит о милой

новые стихи – с пылу с жару строчки!
Заново так страстью упиться можно,
не ходя к девчонке – насколько ж меньше
денег потратив!

Все вы здесь, о каждом найдется строчка –
надо ль обижаться на едкость шуток,
надо ль обижаться на мою ревность,
на умный гений?..

Как себя узнаешь, другим не скажешь.
Может, в деле главном ты торжествуешь?
Или читаешь, как дал осечку,
а, мой читатель?!

Ну а те, кто ходит к моей девчонке
пока праздно, те, кого похоть мучит,
вам мои стихи станут как бы россыпь
звезд путеводных.

Все ее привычки и все пристрастия,
всех условных знаков скажу значенье
и который ставень отжав тихонько,
скрипом разбудишь

сторожей, прислугу – пойдет потеха, –

тумаки считая, ты вспомнишь эту
книжицу и то, как бежал к девчонке
недочитавший.

4

Титир

Тяжеловесна лирика моя.

К трагедии привыкший и к размаху
во славу Каллиопы, плох на малой
дистанции любви. Не успеваю
сказать тебе, а время мое вышло,
другие у дверей твоих стучат.

5

Амариллида

А всегда открыты
створы мои, ворота,
войлоками обиты,
чтобы не слышно, кто там

ходит ко мне, крадется, –
ты приходи со всеми,
как испокон ведется,
в борозду бросить семя.

Все вы мне милы, любы,
первый кто и последний,
грех мы творим сугубый –
меньший всех преступлений,

горший; любовь не ищет
вровень и тех нас сводит,
кто оказался ближе,
кто в нужный час заходит...

6

Титир

Ты говоришь, что вся моя любовь
немного книжная, – ну так и есть.
Откуда другой взяться? Я и сам
не больше чем словесности урок
Эроту...

7

Кто чертову беззубую старуху
до смерти любит и по смерти любит,
не смеет отступить, уйти не хочет –
тот подлинно приспешник Афродиты...
Не этих же девчонок узкозадых
любить, лелеять.

Черная богиня

не там, где все течет само собой,
торопится кровь юная.

Богине,

прожженные жрецы, мы честно служим!

8

Титир

Ходят к тебе, ходят пока, но вижу,
сколько еще тропок в том переулке
протоптали, где знал одну дорогу
каждый влюбленный.

9

Амариллида

И кто она? Мне имени не надо,
подробностей не надо – запах чую
разгоряченной, грешной, женской плоти –
чужой. И никогда теперь покою
не будет мне. Их столько на мое

законное...

Как бешеная сука,
я скалю зубы, ядовитой влагой –
слюнею – омочу дороги ей,
воровке.

И робеет моя нежность
к мальчишечке...

Тепло мое не нужно
озорнику.
Хохочут они, скачут
в полночном хороводе...
тяжелые наполнила мне сны.

10

Титир
Вот до чего дошел я: собираю
какие-то немислимые штуки,
ингредиенты снадобий твоих.
Под лунным светом мыкаюсь с мешком
Гекатовой травы, с фиалом слез
ночных, свиных, с полным я карманом
собачьих лаев, бляений овечьих.

Пугаю людей добрых на дорогах...

И что надеюсь выслужить? Твое
чуть-чуть расположенье? Ночь одну?

11

Титир
Все, что я собрал, ничего не нужно –
хлам знахарок старых да неумелых –
ты в руках повертишь, с тоской отбросишь,
ты зарыдаешь.

Помогу тебе – а на что и нужен
старый друг сердечный? Я сочиняю
гимн Гекате-суке, я сочиняю
смерть для девчонки

молодой, красивой. Мне обещала
ночь своей любви та, кто всех моложе
и красивей, глаже... Пойдет ценою
дева за деву.

Амариллида

Знаю: соперница – краше она и моложе, и знаю
черное для нее слово, смогу сложить.

Первое слово

тихо по ветру шепчу – пусть несет, пусть качает; второе
я на дощечке пишу – и дощечку в огонь; я последним
словом корябаю землю – уйдет в глубину, в темноту. И

вместе со словом по ветру – душа ее, вместе со словом –
тело в огонь, прах за словом последним струится, чтоб в землю.

13

Амариллида

.. ведренный день, солнце свободное,
.. ливни с утра, тучи набрякшие,
.. ветер свистит, холодно в воздухе,
.. давит жара: смерти – всё вовремя.

14

Амариллида

Прими, мать-Геката,
чем богата:
крови ее,
слизи ее,
желтая желчь,
черная желчь.

Бешеным сукам твоим –
наестся горем моим!

Дай, мать-Геката,
по труду плату:
его, моего,
люблю кого,
так привяжи,
чтоб на всю жизнь.
Ласковою собачкой
чтобы за мною мальчик!

15

Титир
Кто бы на меня загадал, набросил
сеть на сердце, трепетному улову
кто бы подивился! Какая радость –
мелочь-рыбешка...

16

Амариллида
И вот теперь, когда из тьмы зеркальной
кажусь тебе, причину всех болезней
ты поняла, увидела.
Слежу
последние движения – как мало

теперь похожа ты на Афродиту!
Бессмертной красоты коснулось тленье,
сползают с тела, по ветру лохмотья
девичьей кожи...

Я б остановила
теперь твою бессмысленную смерть.

Ходи вот так – черна, козлом воня...

Титир

Мы можем отпоить другим отваром,
стрелы железо вытащить из раны,
но тех, о ком пропеты наши песни,
сама Геката не спасет от бездны.

17

Амариллида

Траурные мои шелка
видно издалека.

Первой иду в толпе:
как было не успеть
на похороны твои.

Лежишь холодней земли,
а еще холодней
слезы мои – честней
других, тех, кто тебя
познавал, губя.

Жива моя красота –
мертва твоя нагота.

(Гекате.)

Кончены ее муки,
чисты мои руки!

18

Амариллида

Миг торжества. Дрожит любовник юный
в объятиях. Он бледен, слаб сегодня.

Еще бы – пережить такое! Слишком
вина было на погребальном пире...

Такие плачи были, душу рвали...

Титир

Но ты не видишь логику событий –
я вижу...

Титир

Я смотрю – ишь,
мученически кричишь!
По молодой тоскуешь,
со старою озоруешь!
Сколько ж можно терпеть,
пока не смерть?!

А умрешь ты, малый, такую смертью,
чтобы смешалась персть твоя с тою перстью,
с которою ты и при жизни мешал составы;
скоро ты, скоро, споткнувшись, – на путь неправый.

Черным богам помолясь,
на запад оборотясь,
ты отправляйся в путь,
куда Орфей шел – вернуть,
а ты честней –
просто на встречу с ней!

Много есть путей к дорогой, любимой –
сердце себе что мучаешь неисцелимой
страстью? Сколько ж можно до яду, петли
боли терпеть? Исцелись, паренек, не медли.

20

Запевают песни
Эрос и Танатос!
Девушка, воскресни,
возврати нам радость!

Девушка предстанет –
призрак в смертной сени,
девушка поманит,
разведет колени.

Танцы затевают

Эрос и Танатос,
вяжут и решают
судьбы сикось-накось.

А не бойся новой
смерти – тоже опыт
сладкий и любовный,
добровольно добыт!

Завершают дело
Эрос и Танатос,
только тело телу
горечь или сладость.

И поделят двое
ложе смерти, страсти,
перстью стать одною
для влюбленных счастье.

21

Титир
Прочнее стала власть твоя, женщина,
когда с тобою мы преступлением
сравнились; был когда-то жертвой
я твоих плутней, теперь другое...

Другая связь: мы черными тропами
ходили вместе, жизни любовников
мы брали вровень. Кто с прибытком?
Нет – навсегда мы равны в утратах!

Амариллида

Тебе не страшно? С новою жертвою
когда-то ляжешь – вижу предательство, –
в недобрый час опять для мести
будем стараться; твою обиду

я не прощу – девчонка-изменщица
почует взгляд мой, для справедливости
точу оружие. Посмеемся
вместе над бедами, их окончив.

22

Вот и я пойду изменять, стараться
с девой молодой, чтоб тебе не стыдно
было; ты отдашь долг сполна, и станем
оба свободны.

Амариллида

Постылое занятие. Устала
я травы собирать, являться голой
под свет луны. Я, что ни говорю,
теперь сбиваюсь на заклятый ритм
молитв богине черной. На постели
я двигаюсь как в тряске, как пьяна
питьем багульным мести.

Отпускаю

я с миром вас, оставшихся моих
любовников, идите – всякий вкус
на улице тут, в двух шагах, найдет
себе милей меня, постылой, старой...

24

Титир

За двадцать миль от города есть дом –
холодный, чтобы там не зимовать
и не забыть про город; малый дом
и югеры земли – когда б трудился,
то, может, прокормили бы, а так –
лежит пустырь. Есть дом, я говорю:
плодовые деревья обступают,
скрипят сухие ветви – все равно

в год урожайный больше, чем мне надо.
Есть дом, забитый книгами, – вздохнешь
священной пылью и чихнешь, как будто
с удачей соглашаясь. Дом открыт
для вора и не вора, дверь ломать
не надо. Старый дом есть, для двоих
достаточный; узка, тесна постель,
чтоб мы не разлучались ночью летней.

25

Амариллида

Легкое вино, разговор неспешный,
мы сыграем в шашки – стук-стук по полю;
я б тебя любила, мой друг старинный,
только зачем нам?

Титир

А о чем еще вспоминать, смеяться,
кроме нашей долгой любви-зазнобы?
Вот сижу пишу, малахольный лирик,
трагик великий.

Проза

Игорь Петраков

В городе N
Рассказы. Часть 2.

Любимое стихотворение

Был хмурый ноябрьский осенний день. Погода стояла мерзкая, - но на сердце Егора было тепло: сегодня он планировал представить свои стихотворения на ежегодном поэтическом семинаре, которое проводила областная секция поэтов. Не то, чтобы Егор писал для других, - но здоровая доля честолюбия и жажда признания были свойственны и ему.

Семинар вел известный в области поэт Андрей Пружанский. Стихи Пружанского казались Егору довольно посредственными, и его взлет в масштабе области удивлял нашего героя. Впрочем, не о стихах Пружанского речь.

Помогала вести семинар Пружанскому молодая, но уже также известная в области поэтесса Нина Пятничная. Он, она и еще восемь участников составляли костяк семинаристов, которые разбирали стихи друг друга.

- Прежде всего нужно выбросить на помойку чувство собственного достоинства, - начал с места в карьер Пружанский, обращаясь к семинаристам.

Егор удивился такой постановке вопроса. Было бы понятно, если бы предлагалось избавиться от упоения собственной гениальностью и исключительностью, но чувство собственного достоинства? Оно нам еще пригодится.

Долша очередь и до Егора. Первым наш герой представил на суд публики стихотворение, начинавшееся с набоковского двустипхия, -

Это было тысячу лет назад,
так давно, что забыла ты.

Я иду по дороге, мой быстрый взгляд
узнают прохожие и цветы.

Никто из семинаристов не заметил подвоха, - видимо, в отношении стихов Набокова они были абсолютно девственны. Нине Пятничной стихотворение в целом понравилось.

- Я думаю, из него мог бы получиться недурной романс, - заявила она, - Если прибавить к нему музыку, то..

Пружанский смерил ее орлиным взглядом (из взглядом, подобным тому, каким Петя - Золотой гребешок смотрит на оплошавшую курицу):

- Знаешь, Нина, я слышал много романсов, в основе которых были плохие стихотворения, - заявил он.

Здесь нужно заметить, что если уж Пружанскому попадало под руку подлинно талантливое сочинение, то он был к нему беспощаден. О Боже, каким ядом он прыскал, каким кнутом стегал его автора!

- Как героя узнают цветы? - задался вопросом Андрей, - Где орган узнавания у цветов?

Действительно, фактически такого органа нет, хотелось возразить Егору, - но что такое поэзия, как не царство допущений, фантазия, трепет, восторг фантазии.. Пружанский же требовал, чтобы поэзия подчинялась непреложным физическим законам.

- И почему героя узнают прохожие? - продолжал Пружанский, - Он что, настолько известная личность? Я понимаю, если бы прохожий узнал Ленина. О, Ленин!

И Пружанский с ужимкой изобразил изумленного прохожего, узревшего Ильича.

Препарировав (на доступном ему уровне восприятия) этот стих, Пружанский приступил к сладкому, - на которое подавали любимое стихотворение - из всех, сочиненных Егором. Вот оно:

Как близко небо у деревни,
И, кажется, рукой подать.
Вот поворот уже последний
И больше я не буду ждать..

И снега солнечные брызги
Летят, бежит уж со всех ног
Пес, мне знакомый, я непризнан

Ведь только в городе. Урок

Давно мой пройден, и заброшен
За печку старый мой дневник
С заданьями смешными, скроен
Так мир здесь по-другому, лик

Светила смотрит по-иному,
Приехал.. Детская игра
Сильнее здесь дурного слова,
Проклятий древних. Навсегда

Остались здесь друзья, и вечно
Мне эти годы вспоминать,
Когда и весело, безопасно..
И как велик был стол, кровать,

Большая тумба, телевизор,
И ввысь старинное трюмо,
Всевластное, но что-то в жизни
Сломалось будто, и чужой

Пришел, смеясь, к моей калитке,
Колотит громко – отвори!
Беда так выглядит, в избытке
У нее сил.. Но эти дни

Не изменить, и в прошлом снова
Я вдохновенье нахожу..
И ждут меня все те же в доме,
Которым я так дорожу.

Все оживает в миг, как будто
Вчера я только был вот здесь,
И самовар, и борщ, и чудный
Печения квадрат.. И весь

В покое день проходит нежный,
И люди выглядят людьми,

И тайной собственной надеждой
Вот эти дни оживлены.

Стихотворение понравилось публике, но Пружанский был не из тех, кто идет у нее на поводу. Отметив метафору "снега солнечные брызги", он перешел сразу к такой вещи как дневник автора.

- Это что, рукописный дневник или..?

- Школьный дневник, - пояснил Егор.

- Тогда непонятно, почему задания в нем - смешные. Вот, например, Третий закон Ньютона - в нем нет ничего смешного!

Егору захотелось тут же сослаться на Набокова, который утверждал, что "физические законы придуманы людьми", но в этой компании, очевидно, Набоков не был авторитетом. Но да, задания школьной программы, многие из которых морально устарели для 21 века, действительно казались автору стихотворения смешными.

- А "проклятия древние" - это что, мат? - лапидарно сформулировал новую претензию Андрей.

- В том числе, - уклончиво ответил Егор.

- По-моему, в деревне мат распространен больше, чем в городе, - заметил Пружанский, - Вот был я на одной деревенской свадьбе.. - и Андрей сделал многозначительный вид, дававший понять, что ему есть что порассказать слушателям о жизни в деревне.

- А что значит фраза "остались здесь друзья"?

- Это друзья, ушедшие в мир иной, - уточнил Егор, волнуясь.

- То есть лежащие во гробах? - цинично заметил Пружанский.

- Смотрите, - вставила свои пять копеек Пятничная, - вы пишете, что "чужой" пришел к калитке..

- Да, да, я это тоже заметил! - подхватил Пружанский, - "чужой" вызывает однозначные ассоциации с персонажами определенного фантастического фильма.

"Вы сравниваете моего "чужого" с этими чудиками? - хотел было спросить Егор, - Хорошо, теперь, когда меня будут спрашивать о впечатлении о встрече с вами, я скажу - "Франкенштейна видел??"", - но из вежливости промолчал.

- А ритмовое ударение в строке "У нЕе сил" заметили, куда падает? - продолжал Пружанский, - так и хочется прочитать с ударением на первом слоге.

- А чудный печения квадрат - это что? Печенька? - спросила Нина.

- Да, маленькое печенье, - подтвердил Егор.

- Меня смущает еще строка "И люди выглядят людьми". Выглядят, заметьте, но таковыми не являются!

На это Егор ответил, что он и не требует второго, достаточно выглядеть людьми. Ибо ему приходилось не так давно встречаться с существами, утратившими даже этот человеческий облик и подобие.

Подводя итог критическому разбору стихотворения, Пружанский заметил, что неплохо было бы подкорректировать первую строку. Ибо явления природы должны описываться максимально конкретно. Не "Как близко небо у деревни", а "как низко небо над деревней".

На это Егор ответил, что небо для него олицетворяет скорее не явление природы, а иной мир, более благодарный, нежели "наша хваленая явь". Пружанский хмыкнул и посмотрел на Егора как на сумасшедшего.

Так было рассмотрено и раскритиковано самое любимое стихотворение Егора. И, несмотря на невысокую компетентность Пружанского в вопросах поэзии, Егор все же был доволен. Да, он был доволен тем, что воплотилась в жизнь редкая возможность представить людям собственное сочинение. И услышать такие разные, но всегда интересные на него отклики.

Омск - город контрастов

Скучный город.. И жить в нем дорого.

В.Набоков. Путеводитель по Берлину.

Этот день начинается в моей одинокой комнате, расположенной в одном из многоквартирных домов на оживленной омской улице. Уже с самого утра я имею возможность наблюдать (из окна) за людьми на улице, а иногда и сам выхожу прогуляться, чтобы подышать свежим воздухом и набраться впечатлений. Вот мой рассказ об Омске - слабый, бедный в слове. Впрочем, жизнь в нашем городе, как вы поймете сами, и не предрасполагает к фантазиям и роскошным фразам.

1

РАБОТЫ

Итак, как я уже говорил, с утра на подшефной мне улице начинается "кипеть" жизнь. По неширокой асфальтовой дорожке куда-то спешат люди. Сейчас лето, и наряды их отличаются разнообразием. Наблюдать за всем этим довольно любопытно.

Недавно во дворе начались масштабные (как любят говорить наши власти) работы. Приехал желтый трактор (помните, "По полям, по полям синий трактор едет к нам.. ") и начал курочить старые бордюры во дворе, чтобы на их место воткнуть новенькие. В чем был смысл этой работы, признаться, мне до сих пор неизвестно. Впрочем, одна догадка есть. Работа проводится аккуратно накануне очередных выборов губернатора Омской области. И вот кто-то из "ЕдРа", видимо, решил вырвать грудку. Продемонстрировать видимость бурной деятельности на благо народа.

По-моему, четыре года во дворе не производилось никаких работ, а тут - на тебе! - приблизились выборы - и появилась необходимость выпендриться - с тем, чтобы избиратель это оценил и поставил галочку в нужном месте. Работы начались с чисто российским размахом. Старые бордюры были удалены (правда, не везде). На их место всунули новые. Новые бордюры - огромные. Особую прелесть этих работ составило то, что результат их был такой - новые бордюры перегородили асфальтовую дорожку, идущую посередине двора. Теперь гражданам России предстоит преодолевать препятствия - барьеры на пути домой.

Из окна я могу спокойно наблюдать, как народ перескакивает, карабкается, перелезает через коварный бордюр. При этом, видимо, кляня на чем свет стоит и власти, и лично того, кто эти бордюры положил. Видимо, работнички рассчитывали на то, что граждане должны научиться летать - тогда они без проблем преодолеют коварный бордюр. По этому поводу я написал даже стихотворение: Вот его фрагмент:

Но вот положили бордюр
Они среди дороги. Словно
Произведенье от кутюр.

И вот несчастные людишки
Перелезают чрез него.
Какие быть должны мыслишки
У населенья моего?

«Они летать должны учиться», -
Считают, видимо, теперь
Те, кто бордюры ложил. Стремиться
К полету вновь, чтоб без затей

Преодолеть бордюры неверный.
Пока ж идет честной народ.
Перелезает. И, наверно,
Клянёт работников приход.

Появляется мысль, что те, кто ложил бордюры, о людях думали в последнюю очередь.

Но вот асфальт разворочен (а сделано это с размахом, как будто бы взрывами), и посередке разгромленного асфальта уложены новые бордюры. Впрочем, не все. Бордюры еще остались. Они кучей положены прямо на дороге. Несчастливым автолюбителям предстоит огибать их по дуге. Дорога, проходящая около подъездов, и так узка, а теперь еще и эти бордюры. Впрочем, об автовладельцах, видимо, работнички тоже совсем не думали.

2

МАГАЗИНЫ

Почти каждый день мне приходится ходить в окрестные продуктовые магазины, дабы приобретать хлеб насущный. Иногда этого совсем не хочется делать, но другого выхода у меня нет.

Продавщицы, которые обслуживают покупателей, в здешних продуктовых магазинах, делятся на две категории. Одни - предупредительные, вежливые, разговорчивые. Другие - напротив, смотрят волком, так - как будто я их чем-то обидел или готовлюсь обидеть.

Таков круг моего повседневного общения, и это едва ли не единственные люди, с которыми я это общение имею, ибо работы в

нашем богоспасаемом городе для меня пока нет. Некоторые продавщицы отличаются большой оригинальностью. Они выдают иногда такие фразы, которые прямо хочется перенести на бумагу.

Например, в курином отделе социального рынка между мною и продавщицей состоялась такая беседа.

Я (отнюхав куриный фарш с подозрительным запашком):

- А мы не отравимся?

Продавщица:

- Ну и что? Земля на одного человека будет меньше носить.

"Ах, шутница! Ах, баловница! Ах, кокетка!" - хочется мне воскликнуть, услышав этот мрачный и отнюдь не жизнеутверждающий прогноз продавщицы.

В хлебном ларьке произошел следующий казус. Продавщица на мой вопрос, сегодняшний ли хлеб у нее в продаже, разразилась совершенно мною незаслуженной мерзкой бранью. Я, конечно, понимаю, что покупатели ей надоели, приелись, но зачем же выражать свои эмоции таким общественно порицаемым способом? Нужно ли говорить, что у этой продавщицы я теперь стараюсь ничего не покупать.

Но вообще-то я уважаю труд продавцов. Ей-богу! И совсем другое дело, что я подчас никак не могу понять смысл их речей. Так Набоков не мог понять (в рассказе "Соглядатай") людей - лавочников, революционеров - которые упорно делают свое маленькое дело - и не испытывают при этом ощутимого дискомфорта.

3

ТЕАТР И ПОСЛЕ НЕГО

Недалеко от нашего дома есть театр. Он мне нравится тем, что в нем нет экспериментальных постановок, таких, когда режиссер из кожи вон лезет, только чтобы изощриться в формальном отношении. Это традиционный русский театр, за что он ценится мною и другими зрителями.

Изредка посещая спектакли на протяжении всего театрального сезона, я словно подзаряжаюсь энергией интеллекта от молодых актеров, которые участвуют в постановках. На протяжении спектакля на сцене вырастает как будто отдельный, особый мир - со своими законами (часто ведь изображаются картины из жизни вековой данности).

Костюмы, в которые одеты актеры, нарядны, колоритны. Речь актеров представляет собой образец литературного языка (которому я учился 5 лет в институте). Да и сама актерская игра (помните фразу Альфа - "В этом и заключается актерская игра!!") вызывает у зрителя неподдельный интерес. Сразу видно, что наши актеры, хотя и служат в провинциальном театре, zelo талантливы.

Билеты на спектакли приходится покупать минимум за две недели - спектакли театра пользуются популярностью в городе. А на некоторые из них, особо раскрученные, билеты не купишь и за два месяца.

Публика в театре радует глаз. Представители обоих полов (как писал Набоков) принаряжаются для визита в театр. Они-то, эти люди, кажутся мне значительными, как казались таковыми соседи по трамваю Марку Штандфуссу (из рассказа "Катастрофа").

Само здание театра, его зрительный зал, фойе - красивые, свежи, новы. В общем, впечатления от посещения данного театра самые приятные.

Однако после посещения театра я возвращаюсь домой по самым обыкновенным омским улицам. И на них наблюдаются существа (людьми их язык не повернется назвать), весьма далекие от театральной деятельности. Вот я прохожу мимо детской площадки. В четырех метрах от нее я, еще не видя производящее действие существо, слышу отборную нецензурную брань.

Какого-то алконавта (по терминологии Полякова) вяло рвет нецензурной бранью, которой он, угрожая, осыпает своего незадачливого соседа по лавочке. Он нисколько не смущается того обстоятельства, что рядом с ним находится детская площадка. Он уверен, что говорит слова правды и истины, которые все граждане России (в том числе дети) должны терпеливо выслушивать.

Это незначительное, казалось бы, вечернее происшествие выбивает меня из колеи. Настроение отчасти испорчено. На ум приходит ставшая знаменитой фраза из "Бриллиантовой руки": "Стамбул - город контрастов".

4

МАРШРУТКИ

Возвращаясь из больницы, расположенной в центре города, я сажусь на маршрутку. В маршрутке душно, жарко. Часть людей стоит в проходе, цепляясь руками за неказистые поручни.

Говорят, что скоро маршрутки уберут с центральных улиц города. Затея неплохая, но только в том случае, если их будет чем заменить. Так что фраза "Там, в центре, желтые маршрутки по улицам быстро бегут", - скоро, должно быть, потеряет свою актуальность. Я же сажусь в маршрутку скорее от отчаяния, устав ждать пятнадцать минут нужного мне автобуса.

Водитель маршрутки ведет машину лихо ("Если вдруг маневр лихой или столкновение, защитит от травм ребенка детское сидение"), резко тормозя, если его вдруг попросят остановиться где-то здесь, и так же резко набирая ход. Возможно, по ночам он мечтает о карьере гонщика "Формулы - 1". Пассажиры маршрутки валяются из стороны в сторону, цепляясь руками за поручни, но терпеливо молчат.

Так, с переменным успехом лихо обгоняя конкурентов, водитель доставляет нас до места назначения.

При этом я вспоминаю невольню необыкновенную толчею, которая наблюдается в автобусах, едущих на дачи в Осташково и из него. Вот где действительно пассажиры чувствуют себя как сельди в бочке! А какой героизм нужно проявить, чтобы забраться в муниципальный (или маленький коммерческий) автобус, расталкивая по пути сограждан!

Особенно тяжело было нам уезжать из Осташково вечером. Все садоводы и огородники, устав после трудового дня, стремятся домой - и не считаются с жертвами, штурмуя заветные автобусы.

В сравнении с автобусами в Осташково (где я все боялся получить травму в необыкновенной людской толчее) маршрутки в городе показывают чудеса простора. И я с облегчением вздыхаю, когда к остановке подходит одна из них.

Панихида

В ту памятную весну под окнами Антона необыкновенно активизировались подонки. О, Боже, как они кричали, орали, до каких, подчас нелепых ухищрений доходили в своей брани! Как они проклинали Создателя а также жителей дома! Эти ребята появлялись под окнами почти каждую весеннюю ночь, с завидной регулярностью, с завидным постоянством. Не зная других забот, они оглашали пространство своими гортанными голосами, - и их появление всякий раз приводило чувства Антона в смятение. По поводу этого

маленького события он даже переделал песню популярной в отдельных кругах группы "Любэ" - вот таким образом:

В темный час упыри и блаженны
появляются с каждой весной.
Ой, заведут разговор задушевный,
пересыпанный бранью хмельной.
А еще по весне выползают
из щелей упыри-алкаши..
Если б видел в апреле Гагарин,
как лютуют под окнами псы..

Действительно, лютовали эти существа необыкновенно. Как будто спешили оставить свой след в мире живых. В эту весну, Антон, после возвращения из Москвы, продолжал работу над своей диссертацией. Да, работал над ней, в глубине души понимая, что по большому счету она никому, кроме него, да его научного руководителя - Василия Ивановича - крупного старика с именем в научной среде - не нужна. Диссертация, впрочем, освещала весьма любопытный, по мнению Василия Ивановича, аспект из прозаического наследия знаменитого писателя - эмигранта, покинувшего Россию еще в 1918 году - и признанного за рубежом. И вот, Антон привез из Москвы множество выписок из диссертаций и научных статей, которые намерен был использовать в своем исследовании.

Существовала и Роза Марковна - колоритная представительница известной нации, возглавлявшая кафедру, на которой работал Василий Иванович и писал диссертацию Антон. Роза Марковна отличалась подчеркнутым жизнелюбием и иногда подтрунивала над Антоном и его работой - давая советы по подбору научной литературы.

Между тем Василий Иванович в эту весну серьезно заболел - и была какая-то мистическая связь между регулярными появлениями молодых подонков под окнами дома Антона и болезнью его научного руководителя. К концу весны выяснилось, что положение более чем серьезное. На кафедре начали уже делить часы еще живого Василия Ивановича. Однако все равно известие о кончине научного руководителя для нашего героя стало неожиданным. Была, все-таки была какая-то безумная надежда, что все как-то обойдется.

В один из погожих дней начала лета в квартире Антона раздался телефонный звонок.

- Алло, - сказал Антон.

- Здравствуйте, Антон, - свойственным ей деловым тоном начала Роза Марковна, - Василий Иванович умер.

Антон так и остался стоять с разинутым ртом, слегка огорошенный.

- Извините за такое печальное известие, приходится его сообщить вам,

- констатировала Роза Марковна в трубку, - Панихида состоится во вторник, - она назвала время и место панихиды, - Приходите.

В душе Антона возникло отчетливое чувство жалости по отношению к его научному руководителю. Жаль было и самое себя - ибо вместе с Василием Ивановичем умер самый нежный, самый недолговечный образ Антона - образ молодого ученого, молодого преподавателя в вузе. В этот момент Антон остро ощутил свое одиночество в мире, оставленном Василием Ивановичем. Антон еще и потерял своего надежного друга и внимательного собеседника, который был рад в любое время выслушать Антона, дать научный или просто житейский совет. Немного утешало то обстоятельство, что жизнь Василия Ивановича была прожита не зря - и оказалась на порядок более насыщенной и содержательной, чем жизнь его аспиранта.

В тот же день во дворе разыгралась просто, но со вкусом поставленная гроза, - словно Создатель решил особо отметить для себя и Антона этот роковой день.

Во вторник Антон собрался, оделся - и вышел из дома, направляясь в корпус университета, где должна была состояться панихида. Он стоял на остановке, ехал в автобусе - и под грузом обрушившегося на него несчастья думал, что связь между ним и миром живых истончилась. Люди вокруг казались какими-то чужими, непосвященными в его тайну. Они разговаривали о каких-то незначительных, с точки зрения Антона, житейских вещах, обуревались волнами моря житейского, как любят говорить наши православные товарищи. Они не соблюдали положенного траура - активно вонзались, вторгались в существование - своими словами задевая Антона за живое. Но наконец автобус подошел к нужной остановке. Антон направился к корпусу университета.

В этот день в фойе университета была помещена фотография Василия Ивановича с черной ленточкой. Пускали в здание не по удостоверениям, как обычно, а всех подряд. В этом горестном обычае Антон нашел для себя некоторое утешение. Не надо было лишний раз контактировать с вахтером, смотреть в чужие, ничего не понимающие глаза.

Антон поднялся на второй этаж. Там, у окно большого фойе и полутемном коридоре собирались уже люди, так или иначе причастные к печальному событию. Антон узнал среди собравшихся знакомую аспирантку, с которой планировал, как говорили в старых романах, "связать свою судьбу". Она сосредоточенно, не обращая ни на кого внимания, плакала. И в этот момент как бы замыкалась в своем одиночестве. Антон подошел к ней и еще несколькими аспиранткам, что-то сказал незначительное, и беззвучно отошел.

Между тем в фойе уже устанавливали микрофон - для речей, для речей.. Антона кто-то туманный и непроясненный попросил включить этот микрофон. Антон послушно, покорно, как раб, подошел, включил. В глубине фойе стоял красный гроб с уже приготовленным к погребению телом. Рядом с ним было особенно многолюдно, почти не протолкнуться. Антон взглянул на мертвое уже тело Василия Ивановича - и оно показалось ему уже совершенно чужим, как чужим казалось тело жены герою рассказа Набокова "Возвращение Чорба". Очевидно, подумал Антон, я так рассуждаю потому, что душа уж, наверное, отделилась от тела - и наблюдает за нами откуда-то свыше. Мысль эта некоторым и странным образом успокаивала.

Рядом с гробом, между людей, пришедших на панихиду, проворно сновал доцент Химиков. Он был известен в научной среде тем, что полгода назад отобрал работу у Антона (в педагогическом училище). Причем эта работа, этот курс был клятвенно обещан Антону руководительницей училища, которая, однако, в последний момент передумала. А Антон уже написал лекции, готовился проводить практические занятия.. Согласитесь, что это было просто обидно. С тех пор Антон испытывал к своему конкуренту (Химикову) некоторую неприязнь. Химиков занимался тем, что выражал соболезнования и раздавал кое-кому красные повязки - ленточки. Одна из них досталась Антону, который - ради соблюдения приличий - немного постоял рядом с телом своего научного руководителя, потупив глаза - и стараясь не выказывать своего волнения.

Между тем начались речи. Подходя к микрофону, выступали представители университета. Первой была глава кафедры, к которой был приписан Василий Иванович. Она рассказала подробно, где родился, где учился, как работал профессор (покойный, покойный, - какое странное слово - для Антона оно потеряло смысл, как бывает со словом произнесенным подряд много раз). Антон покорно выслушал этот ее рассказ о жизни и судьбе Василия Ивановича. Рассказ был,

впрочем, неимоверно скупен - и не вмещал в себя всего того, что любил в Василии Ивановиче Антон - его улыбки, его обходительности, его комплиментарных шуток, его иронии. Образ из речи Розы Марковны получался каким-то безжизненным - как само безжизненного тело, лежащее в десятке метров от нее.

Выступали и другие известные в университете люди. Большинство из выступлений были бессмысленными и беспомощными, на взгляд Антона. Они ничего не проясняли в настоящей судьбе Василия Ивановича. Загадка, состоявшая в том, в какой мир, в какое пространство ушла душа Василия Ивановича, оставалась непроясненной, неразгаданной. Под конец выступил известный в университете профессор, преподававший на курсе Антона русскую литературу. Профессор этот среди студентов был известен тем, что иногда использовал в своей речи то или иное крепкое словцо (никак не вяжущееся с задачами педагогического образования), вообще, был пренеприятным и обозленным на жизнь субъектом. В этот день он почему-то вел себя смирно, в противность своему обыкновению, не выражался, однако выдал слушающим его людям несколько запоминающихся банальностей.

- Прощай, Василий! - сказал он под конец своего выступления, резюмируя какую-то свою мысль.

Это пошлое восклицание переполнило чашу терпения Антона. Оно по-новому осветило выступления предыдущих ораторов, которые теперь представлялись Антону явно абсурдными, несообразными с действительной жизнью. Антон медленно повернулся и направился к лестнице, ведущей на первый этаж.

Никто не остановил Антона, никто его не окликнул. На этом празднике смерти всем было как-то не до него. Немая лестница благодушно приняла Антона сопроводила его до выхода. И вот минуту спустя Антон шел по веселой, живой, зеленой - и такой чужой для него - улице, и только вездесущие воробьи были свидетелями молчания, которое окружало Антона. "Это была панихида и по моей диссертации", - подумал Антон, резюмируя впечатления сегодняшнего дня.

Настречу попались два каких-то нерадостных, но активных студента.

- Василий Иванович умер, - сообщил один из них другому.

И стало Антону до того тошно, что он ускорил шаг и быстрее, быстрее направился к автобусной остановке.

Антон думал, что в автобусе, среди многочисленных людей, ему станет легче. Но, увы, легче не стало. Люди казались какими-то безнадежно чужими, непонимающими, глупыми. Точно они были отражением и продолжением тех авторов речей, которые сегодня слышал Антон.

Еще несколько лет Антон ходил на прием к Розе Марковне, надеясь частью своей души защитить диссертацию. Напрасно, - в планы заведующей кафедры не входило дать дорогу Антону. И так постепенно научная карьера Антона подошла к своему концу. То ли ему не простили позорного бегства с панихиды, то ли в научном дискурсе Антон оказался не силен, - так или иначе, Антон на своей шкуре испытал, что такое одиночество в мире живых. Впрочем, может быть, еще найдется для Антона достойное место в этом мире, - кто знает, и, может быть, все его учение, все слова и встречи с Василием Ивановичем были не напрасны. И однажды люди признают талант Антона - если не научный, то хотя бы литературный.

Первая работа

Сегодня, проснувшись, умывшись и хорошо позавтракав, я сел за свой ноутбук - и снова вспомнил то лето девяносто первого года, когда я впервые пошел работать на завод. Это лето было похоже на нынешнее. Впрочем, мне кажется, имелись и отличия - в ту пору еще не было таких резких перепадов температуры (то холод, то жара), которые свойственны нашему времени. Но вернемся к главной теме моего рассказа.

На этом заводе, расположенном совсем рядом с нашим домом (корпуса его были видны из окон моей спальни), работал мой отец. Иногда, приходя домой, отец рассказывал короткие и забавные истории о сотрудниках завода, о своих разговорах, о взаимоотношениях с ними. Постепенно в моей голове складывался образ завода как места, где находятся дружные, задорные люди, всегда готовые придти на помощь. Конечно, этот образ, выросший из рассказов отца, был несколько идеальным. Это объяснялось еще и тем, что я знал о заводе лишь понаслышке - одна экскурсия, проведенная как-то нашим классным руководителем (представительным мужчиной с крепким загаром на лице) была не в счет.

Каждым летом мы, ученики средних классов нашей школы-гимназии, были обязаны проходить практику. Обычно эта практика ограничивалась несколькими часами разнообразной работы на пришкольном участке, в теплице. Иногда мы что-то красили или убирались в классах. Практика эта, признаться, была предельно скучным занятием, тем более, что я не испытывал никакой страсти по отношению к зеленым насаждениям на школьном участке и в теплице, которые следовало под мудрым руководством педагога пестовать и поливать. Единственным утешением была возможность общаться со своими сверстниками, причем не все из них были приветливы. Один из одноклассников, помню, любил делать своим знакомым больно (и, наверное, вырос в сурового садиста), приговаривая при этом:

- Поплачь, поплачь.

Неудивительно, что желания общаться с такими существами у меня особого не наблюдалось. Поэтому известие о том, что можно пройти летнюю практику на заводе, я воспринял с чувством облегчения и радости. Устроиться на заводскую работу помог мой отец, поговоривший с кем следует на своем заводе (это событие, впрочем, было окутано тайной).

И вот в один прекрасный июньский по-летнему теплый день я направился на предприятие, чтобы начать там свою трудовую деятельность.

Первое задание, которое мне дали, было несложным: очищать пластмассовые детали от наростов и загогулин. Местом моей работы была жаркая и довольно душная комната (по-моему, кондиционеров тогда еще не было). Раз в сутки ко мне заходил отец и интересовался моими успехами. Я вяло отвечал что-то оптимистическое, хотя скучная, однообразная работа мне приедалась с самого утра.

Так продолжалось дней десять. Затем меня перевели в цех по сборке пылесосов. Цех располагался в самом дальнем углу завода. До него надо было довольно продолжительное время идти среди корпусов. Работал я во вторую смену - с 16.00 до 20.00. Идя в этот цех впервые, я чувствовал особое волнение. Предстояло знакомство с сотрудниками и зданием цеха. При ближайшем осмотре здание показалось мне огромным. Особенно впечатляли двери - ворота, в которые, наверное, мог бы пролезть и грузовик.

Здесь я познакомился и с веселым ребятами, которые тоже пришли работать на завод школьниками - ради зачета по летней практике и еще, может быть, ради денег, которые мы получали за работу как

взрослые. Ребята как ребята, но они казались мне значительнее, замечательнее моих привычных одноклассников. Была среди них одна томная девица, смеявшаяся над глупыми анекдотами и изредка окидывавшая меня, такими же томными, как она сама презрительными взглядами. К ней я, вопреки теории господина Фрейда, не испытывал никаких чувств, кроме смутного отвращения (так, наверное, белогвардеец Смуров из рассказа Набокова относился к своей бывшей горничной).

Посредине большого и просторного помещения цеха находился замечательный движущийся ковейер. Вокруг него сидели женщины и что-то привинчивали. Как я понял, это был конвейер для производства моторов для пылесосов (завод выпускал миниатюрные пылесосы - так что если у вас заваялся в квартире маленький советский пылесос, есть вероятность, что он был выпущен при моем участии). Нас, молодых, до конвейера не допускали, а поручали разную мелкую работу - очищать и выбраковывать детали для мотора, перевозить в большой тележке заготовки для моторов.. Работа эта была не столь однообразной, как моя прежняя. Более того, ощущение того, что ты трудишься в одном цехе рука об руку с многими людьми, было непередаваемо.

Вечером, после работы, я возвращался домой, зная, что меня там уже ждет отец и сытный ужин ("будет, что жрать", - как говорили персонажи Набокова из рассказа "Королек"). Во мне была какая-то неустойчивая слабость после трудной работы (такую же позже я испытывал после дня, проведенного за работой на даче). Я шел мимо маленького квартала частных домов и думал, что в одном из них вполне могла бы жить моя бабушка (умершая этой зимой). Домишки на пыльной летней улице, расположенной между мой домом и заводом, казались мне необыкновенно приветливыми. Точно из одного из них может выйти кто-то и пригласить меня внутрь - отведать теплого чая. Теперь эти дома обветшали, как и их хозяева, редко какой-то из них радуется глаз своей внешней отделкой.

Эти тихая вечерняя прогулка (впоследствии, в юности, я, наверное, вдоль и поперек исходил свой район, бродя по нему) приносила душе смутное удовлетворение и умиротворение. В ту пору моя мама уехала на стажировку в Иркутск. Так что тоска по общению с матерью тоже присутствовала - и ощущалась довольно ясно. Как будто была предчувствием теперешней глубокой ностальгии.

Я смотрел на небо - и плавно плывущие по нему кучевые облака, такие знакомые мне по деревенскому лету, казались значительными, полными высокого и пока не разгаданного смысла. А ведь до работы я их почти не замечал, принимал как за должное их высокое присутствие. Солнце клонилось к закату, вечер обдавал холодом и свежестью (на улице было отнюдь не жарко).

Итак, я приходил с работы домой, где меня уже ждал отец. Я включал телевизор (располагавшийся на кухне) - и мы вместе смотрели "Маппет-шоу", вернее, сериал, "Детки Маппет". Сериал был простой, незатейливый, рассчитанный скорее на детей, чем на подростков. Однако на этом простом сериале я, можно сказать, отдыхал душой. Мы основательно ужинали и, насытившись, я забывал о проблемах и заботах - до следующего рабочего дня.

Так продолжалось ровно месяц. По его прошествии мне еще пришлось изрядно побегать по заводу - я заполнял обходной лист, доказывающий, что я больше ничего никому не должен (например - книги в заводской библиотеке). А чуть позже я получил первую свою зарплату - 103 рубля (немаленькие деньги по тем временам).

Прошло с тех пор много времени. Я сижу без работы (несмотря на заверения известного политического деятеля, что безработица у нас побеждена) на своем этаже в многоквартирном доме - и вспоминаю те замечательные времена, когда я трудился на предприятии по производству пылесосов. Только небо осталось прежним - оно такое же бледно-голубое, безстрастное, независимое, как тогда, в пору моей юности. Отец мой сегодня заболел, и я думаю о том, как бы его записать на прием к врачу. Как говорится, старость - не радость.. Однако память о моих первых шагах на работе сохраняется. Благодаря ей и был создан этот рассказ, который вы только что прочли.

Проходка

Проходка - термин Виктора Власова (омского журналиста, блогера и сенсея). Означает большую прогулку по окрестностям (у В.Власова - около железнодорожных путей).

Словарь окололитературоведческих терминов 2023 года.

Вот и снова грибная пора,
редкий штиль в суете городской.

Можно снова летать до утра
над притихшею летней Москвой.
Олег Митяев.

Иногда, когда наступает особенно погожий солнечный вечер, мы с отцом собираемся на прогулку по близлежащим улицам города. Отец собирается сосредоточенно, будто священнодействует. Надевает лучшие брюки и рубашку (так сказать - наряжается). Я же выбираю самое затрапезное облачение, как Гарун аль-Рашид.

Вечереет. Солнце клонится к закату. Мы захватываем ключи и выходим на площадку. Легкий сквознячок пробегает по спине - от открытого балкона. Вызываем лифт.

Когда лифт останавливается на нашем этаже, выясняется, что в нем приехал наш сосед по лестничной клетке. С ним его верный пес Филька (маленькая такая рыжая собачка). Филька проявляет свойственную только ему агрессию - лает на нас. Он явно чувствует себя хозяином этажа и распорядителем человеческих судеб.

- Филька, сидеть! - осаживает своего подопечного наш сосед. Мы здороваемся с ним, ловко минуя собачонку, и устремляемся в лифт. Лифт "послушно считает этажи" (как поется в известной песне), и вот через минуту мы уже на улице. Раньше у подъезда росли деревья, теперь их убрали, без них, конечно, скучновато. Проходим в арку и направляемся к вблизи расположенному скверу.

По пути нам встречается знакомая продавщица продуктового отдела. Она затягивается сигаретой, что является для меня неприятным открытием. Здесь нужно сказать, что как-то однажды она обсчитала моего отца на 70 рублей. Помнится, папа был очень недоволен. "Нельзя стареньких обижать", - так и хочется сказать этой продавщице при встрече. Теперь выясняется, что продавщица - еще и, извините за выражение, курыка. Образ складывается в сознании неприятный.

Откланявшись с продавщицей, мы проходим мимо детской площадки. Она совсем новая, была возведена недавно. Рядом с ней расположены спортивные тренажеры, турники, скамейки. На скамейках сидят взволнованные родители и прочие родственники и напряженно следят за своими чадами, которые лазят, прыгают, скочут и скатываются с горок на площадке. Большинство, впрочем, не отходит от своих отпрысков ни на шаг, сопровождая их повсюду, куда бы тем ни захотелось забраться.

Интересно, конечно, наблюдать за детьми и их родителями, но детская площадка не задерживает надолго наше внимание. Мы с отцом направляемся в большой сквер, разбитый рядом с домами, расположившимися вдоль нашей улицы. В сквере также установлены скамейки и фонари. Но вот незадача - одно время фонари в вечернее время не горели, так как к ним не было подведено электричество. Сейчас эта ошибка устранена. И, возвращаясь как-то поздно вечером из театра, мы видели, как эти фонари горят.

Отец вспоминает, когда мы идем по скверу, как однажды в детстве обнаружил на болотце недалеко от дома пистолет системы "наган" - с барабаном, но без патронов. Он тогда страшно гордился этой находкой. Повсюду ходил с наганом, прицепив его на пояс. Говорит, что ребята все завидовали ему. Но случилась незадача - знакомый дядька Иван сплющил - молотком, кажется, - дуло пистолета, так что он оказался совершенно негоден для стрельбы, так сказать, нефункционален.

- А не то еще найдешь пульки, начнешь стрелять, - пояснил свой поступок предусмотрительный Иван.

Мой отец был весьма раздосадован таким оборотом дела. Наган потерял для него после этого прежнюю привлекательностью, - и чуть позже был обменян на другую, более важную в мальчишеском быту, вещь. Вот такую историю о происхождении и приключениях нагана приходится мне выслушивать, когда мы с отцом проходим по аллеям сквера, мимо притихших берез и елей.

По улице, что пролегает неподалеку, с ревом мчатся машины - по неведомым нам, своим делам. На противоположной стороне улицы манят своими вывесками ларьки и магазины. Мы проходим чуть дальше и доходим до здания строящегося театра. Рядом со зданием свалены доски, почти на проходе. В окне соседнего здания сидит кошка и - с опаской поглядывает на нас. Мы решаем повернуть обратно, и возвращаться другой дорогой.

Театр скоро будет готов, несмотря на то, что его строили очень долго, - этакий местный долгострой.

Пока мы возвращаемся, отец рассказывает мне еще одну историю из детства. Когда-то существовали коньки, которые назывались "снегурки". Именно на этих коньках (вообще-то предназначенных для девочек) любили кататься мальчишки в поселке, где жил отец. Рядом с его домом дорога делала поворот, машины сбрасывали скорость.

Мальчишки прицеплялись к машинам, и, прицепившись, катили на снегурках вслед за ними. На следующем повороте отцеплялись.

- Дурачки были, - комментирует мой отец, - могли под машину попасть. Или стукнуться о нее.

Кроме снегурок, были коньки "гаги", были и беговые коньки. Последние использовались в спортивных секциях - конькобежцами, например, на стадионе "Динамо".

Прослушав лекцию о коньках, я поворачиваю к нашему местному дворцу культуры. Дворец культуры был построен одновременно со строительством нашего микрорайона. Одно время он стоял в запустении, но затем нашелся спонсор - и дворец культуры восстановили. Когда мы проходим мимо, то видим на фронте здания названия фильмов, которые нынче идут в кинозалах дворца культуры. Сами-то мы давно не бывали на киносеансах. Надо будет как-нибудь сходить. Рядом с ДК стоит машина, вблизи которой суетится молодой человек, высказывающий небесам что-то нелицеприятное, очевидно, недовольный какой-то поломкой. Мы минуем экзальтированного молодого человека - и направляемся к пятиэтажкам, выстроившимся в ряд недалеко от дворца культуры.

Осторожно пробираемся мимо буйной зелени, плотно обступившей узенькую дорожку (при этом я вспоминаю каламбур - "Какая буйная зелень вокруг психиатрической больницы!"). Я смотрю на отца. Он шагает сосредоточенно, озадаченно глядя вперед. В эту минуту мне хочется его обнять, но, боюсь, он не разделит этого сентиментального порыва. Напротив пятиэтажек расположен квартал частных домов. Многие из них в удручающем состоянии - видимо, как и сами их хозяева. "Да.. Состарился наш королек", - вспоминаю я слова Евгения Шварца, глядя на эти покосившиеся домишки и - на отца.

Обогнув пятиэтажки, поворачиваем во двор девятиэтажного дома. Я вспоминаю, как здесь мы фотографировались вместе с нашей университетской группой на фоне кирпичной стены.. Да, много воды утекло с тех пор.. Сентиментальные воспоминания, впрочем, до сих пор живы - как и фотографии.

Еще мы ходим с отцом на восток, в сторону дальнего поселка. Там есть несколько ларьков и магазинов, в которые мы заходим, чтобы купить кекс и булку. Также там есть и дворец культуры, в котором проходят занятия разных танцевальных коллективов. Но это, как говорится, уже совсем другая история.

Наша проходка завершена. Усталые, но довольные, мы поднимаемся на свой этаж.

Виктор Власов

Мечта дяди Ирвина

Рассказ.

Об отце ребята знали мало. Он был гангстером, руководил группировкой, состоящей из крутых чёрных ребят с пистолетами и раскладными ножами. И погиб он на разборке, когда одна банда за городом столкнулась с другой. Мать двоих детей, близнецов, привыкшая жить за счёт мужа, с трудом выносила тяготы нелёгкой жизни. К счастью, нашёлся добрый человек по имени Гарри, который взял на себя некоторые расходы. Он хорошо относился к Элизе, к её детям, обещал жениться, купить дом в Калифорнии, прямо в Лос-Анджелесе, недалеко от Голливуда. Но вскоре его бизнес не заладился, и Гарри сам попросил любимую женщину о помощи. Работа стриптизёрши в одном из небольших пип-клубов на окраине Нью-Йорка могла приносить неплохие деньги.

– Не стесняйся, сладкая, это всего лишь танец. У тебя прекрасное тело. Почему бы им не заработать?! – Гарри обладал силой убеждения, был настойчив и трудности переносил с улыбкой. Чем-то напоминал её мужа. Да и не в том положении была Элиза, чтобы отказывать. Гарри давал ей деньги на повседневные траты, необходимые красивой женщине, вывозил на природу. К тому же, он имел друга, который позволял детям Элизы бесплатно заниматься в секции каратэ и ходить в бассейн.

Бесхарактерная, меланхоличная, но хорошая собой женщина согласилась. С невинной подработки и началось... Днём её подбадривал Гарри, его друзья и знакомые, а вечером и ночью – подстёгивали кофе, алкоголь и лёгкие наркотики. В качестве допинга затем добавился и более крепкий наркотик, исключительно чистый: привыкание к нему мгновенно, а избавлением мнятся иллюзии, создаваемые замученным и омрачённым сознанием. Появились постоянные клиенты, заработок увеличился в два, а то и в три раза. Элизу приглашали на вечеринки, и в один прекрасный день она вдруг

поняла, что никакой дом Гарри не купит, что у неё ничего нет, кроме работы проститутки.

Дети не знали о новой работе матери. Однажды Эндрю в секции каратэ разбили губу и поставили синяк под глазом, но он принёс первую награду, победив в спарринге своего соперника из другого клуба. Теперь серебристая медаль висела над его койкой, и он смотрел на неё, гордо улыбаясь. Благодаря занятиям он стал уверенней в себе, у него появились друзья, гораздо старше, чем он. А Джейк, по-прежнему тихий и замкнутый в себе мальчик, в отличие от брата не хваставший силой, углубился в чтение художественных книг. Хотя раньше он терпеть не мог это занятие. Теперь же в нём будто открылась заслонка, обнаружив потайное пространство. Он стал ходить в библиотеку и просиживать там часами.

Был странный день, пугающий серостью и холодом в конце сентября. В это тоскливое утро Элиза недомогала, её морозило. Она почувствовала неладное сразу, вдохнув свежий воздух, ворвавшийся в спальню из приоткрытой форточки. И Гарри, проснувшись, тоже выглядел хмуро. Тяжело встав, не торопился на работу. Покурил, допил вчерашний виски. Ответил на звонок по телефону, кивнул и с надеждой посмотрел на Элизу. Женщина не могла признаться, что ей нездоровится: на кону стояло не только уважение клиентов, но и расположение Гарри. Последнее время он и так мало разговаривал, находясь в задумчивости. Только Джейк, внимательный сын, заметил:

– Мам, как чувствуешь себя?

– Спасибо, Джейк, нормально, – подав оmlет, Элиза кивнула.

– Работаешь много.

– Труд закаляет и женщину, – недовольно сказал Гарри, причёсываясь перед зеркалом.

– Мам, оставайся сегодня дома. Я что-нибудь приготовлю, – ласково улыбнулся Джейк. Он будто предчувствовал неладное.

– Менсфилд обещал устроить нам спарринг, – восторженно произнёс Эндрю, забежав на кухню. – После школы надеру тебе задницу, братишка!

– Этого ты не можешь знать наверняка, – возразил Джейк. – Мы занимаемся одинаково...

– Не скажи, – ухмыльнулся Эндрю. – Посмотрим...

– Завтракайте, ребята, и не опоздайте на школьный автобус, – тихо сказала Элиза.

Выйдя из дома с Гарри, обратно она не вернулась. Ночью с высокой температурой её доставили в госпиталь имени Джона Кеннеди в Нью-Йорке. Сбить жар смогли, но внезапно открылось внутреннее кровотечение. Оказалось, что она болеет редкой болезнью сосудов, стремительно прогрессирующей при повышении температуры.

Дети пребывали в полном неведении, а Гарри не появился. Наконец позвонили в полицию, заявив о пропаже матери. Через некоторое время узнали, что мама госпитализирована. Ночью они не спали, а утром вместо школы поехали в больницу. Но увидеть маму им не разрешили: рано утром она умерла, не выходя из комы. Братья Спенсер были готовы разнести госпиталь. Они напали на дежурного врача, грозили придушить, если не покажет маму. Тот вызвал охрану, и детей, заплаканных и рассерженных, доставили в участок. Там выяснилось, что теперь они – сироты. Эндрю и Джейк очутились в приюте для несовершеннолетних. Отчаянно злые на судьбу, они пытались бежать оттуда, но не получилось.

Пятнадцатидюймовый слой снега лежал на дорогах. Дворников на улицах работало небывалое количество, повсюду гудели грейдеры, грузовики вывозили снег за город. Закрыли школы и офисы, редко проезжали машины. Огромное количество снега и гололёд – редчайшее явление перед Новым годом. Подобное было только лет тридцать назад, когда каждая третья машина оказалась разбита: уровень ДТП увеличился тогда чуть ли не в сто раз. И теперь страховым компаниям и властям Нью-Йорка было выгодней на день-другой устроить краткосрочный отпуск офисам и школам.

С неба медленно падали хлопья снега. Они опускались на гранитную мостовую и на синие крыши работающих грейдеров. За окном – холодно, бело так, что рябит в глазах. И в этот снежный и пустой день Джейк чувствовал облегчение. Даже бунтарь Эндрю как будто не скучал, нашёл занятие по душе: играл в настольную игру с мальчишкой, с которым почти всегда дрался.

В приюте стояла невероятная тишина, дети с восторгом смотрели в окна на белевшие свежие кучи снега и на синие «железяки на гусеницах», снующие взад и вперёд по дорогам. Потом послышались голоса воспитателей, донёсся с лестницы тихий топот множества ног.

На пороге комнаты возник невысокий и немолодой человек. Лысеющий, как многие пожилые люди, с тонкой сединой на висках. В тёмно-коричневой расстёгнутой куртке с металлическими пуговицами и в спортивной шапке не по сезону. Он смотрел на играющих детей с

тем печальным умилением, с которым глядят на бездомных или попрошаек. Широкий лоб бороздили длинные морщины, подрагивали губы, словно он хотел что-то сказать и не мог. У гостя был знакомый, резко очерченный подбородок с ямочкой, и когда Джейк заметил его пристальный решительный чёрный взгляд из-под густых бровей, то невольно отпрянул от окна. Сердце забилось чаще, в груди стало теплей. Мальчику показалось, что когда-то он уже видел пришедшего. Эндрю перестал играть и тоже с интересом, но и с лёгкой недоверчивостью взирал на гостя. Некоторое время тот стоял и думал о чём-то, переводя добрый и, казалось, родной взгляд то на Эндрю, то на Джейка. Наконец, с трепетом и болью в голосе, спросил:

– Эндрю, Джейк, не узнаете?

И глаза его повлажнили.

Человек, который пришёл за детьми, был Ирвин Валентайн. Дальний родственник отца – его троюродный брат из Вирджинии. Работники приюта разыскали Валентайна по его, найденным в доме Спенсеров, письмам к погибшему отцу Эндрю и Джейка. Связались с ним и к огромной радости узнали, что мужчина готов взять на себя бремя ухода за мальчиками. Одиноким, он словно искал того, кто мог хоть как-то разогнать тоску, проклятым призраком висевшую над ним.

Оформление документов не заняло много времени. Ирвин забрал парней. Ошеломлённые, растерянные, молчаливые, они покинули приют и последовали за дядей. Признаться, и сам Ирвин переживал не меньше. Начало новой жизни решили отметить посещением ближайшего «Тако Бел», перекусить гамбургерами, попить бодрящей кока-колы.

Пока мальчики жадно поедали золотистый картофель фри, Ирвин пристально всматривался в их лица, пытаясь найти сходство с погибшим братом. Если хочешь, то обязательно найдёшь – они действительно чем-то неуловимо напоминали своего отца: поворотом головы, улыбкой, тем, как один из них утирал рот салфеткой. Конечно, они – часть давно потерянной семьи и помогут ему избавиться от одиночества. «Может, именно они мне нужны больше, чем я им? Да, так тому и быть! И трудности впереди, но вместе преодолеем», – подумал мужчина, и ему стало теплее на душе.

Однако самое нелёгкое ещё предстояло пережить. Тревоги и чувство неуверенности в завтрашнем дне не раз посещали Ирвина. Он был не слишком внимательным отцом и закрывал глаза на многие поступки

ребят. Сторонился проблем, считая, что Эндрю и Джейк справятся с ними сами.

В школе Джейк рисует в тетради вместо того, чтобы учиться. Бог с ним – скоро повзрослеет, упрекать его за это необязательно. Эндрю часто выказывает агрессию по отношению к одноклассникам. Драку в спортзале он объяснил тем, что его не только не признавали за капитана команды, но и пытались отбить подругу. Директор школы вызвал Ирвина на серьёзную беседу. Даже намекнул, что воспитание детей – дисциплина тонкая и не каждому даётся. Когда Ирвин думал над вопросами воспитания, его начинало трясти, возвращалась неуверенность. Тягостные мысли нарушали гармонию.

Разговаривать с мальчиками порой было трудно – они столько пережили, но не понимали простейших вещей. Ирвина они считали опекуном, который распинался по пустякам и иногда страшно надоедал. Наконец, в силу сложившихся обстоятельств, он запланировал переехать из нью-йоркского гетто – мальчикам нечего делать среди необразованных людей, наркоманов да бездельников. Эндрю и Джейк воспротивились переезду. Первый, обладая трудным характером, мечтал стать гангстером, как отец. Всем противоречить и слушать только себя – это Эндрю унаследовал от папы, от мамы ему достались лишь карие глаза и кудрявые волосы. Найти с ним общий язык оказалось тяжело. Второй – скучал по матери и мог долго молчать, уходя в таинственный мир своей души. Нравоучения дяди пропускались мимо ушей: как отмахиваются от надоевшей мухи, так подростки отказывались принимать требования опекуна. Он мучился сомнениями: правильно ли поступает, ограничивая свободу мальчиков? Но как не ругать ребят, если задерживались на улице, ни о чём не рассказывали, безобразничали? Ирвин разбирался в технике, в комиксах (когда-то он охранял магазин книг), в фильмах, знал множество интересных историй, но пацаны видели в нём не родного человека, а лишь того, кто их приютил. Эндрю, Джейк и дядя жили в одной квартире, но по-прежнему оставались чужими друг другу. Каждый обитал в своём обособленном мире и не интересовался другим. Эндрю гулял с подругой, возвращался поздно, нередко от него пахло табаком, алкоголем. Однажды его, подвыпившего, привёл полицейский. Ирвин заплатил большой штраф, пообещал принять меры.

– Будет жаль, сэр, если вас лишат родительских прав! – предупредил полицейский. – Желаю разобраться.

– Ладно тебе, Ир, – уязвленно отмахнулся Эндрю. – Ему показалось...

– Ты наказан! Неделью никакого телевизора и плеера.

– Дядя!..

Тут они начали кричать друг на друга, и парень с плачем закрылся в комнате.

А Джейк несколько недель сидел за компьютером и делал домашнюю работу. Он сказал, что учитель по искусству, близкий по духу человек, объявил конкурс на лучшую пьесу, и победитель самостоятельно поставит её в школе. Первый этап конкурса мальчишка прошёл: идея и сюжет понравились учителю, оставалось подготовить сам текст. Дядя Ирвин даже не пытался попросить почитать пьесу – знал, что Джейк откажет. Вечером дядя пришёл с другом и коллегой по работе – толстяком Тони. Оказывается, Тони будет охранять Санта-Клауса при раздаче подарков детям на Рождество. Акцию проводит популярная сеть мегамаркетов «Гигант». Тони, темнокожий толстяк с ирландскими корнями, дал два купона Ирвину. По ним дети получают подарки прямо из рук доброго Санты в любом месте, где проводится акция.

Через несколько недель Валентайн с парнями всё-таки переехал из пыльного и шумного Нью-Йорка в спокойный и чистый пригород Вашингтона – Роквил, сняв квартиру на его западной окраине. Здесь Ирвин устроился охранником в магазин игрушек в центре. Дядя – не простой охранник, а с правом ношения травматического пистолета и дубинки. Это, пожалуй, то небольшое, что знали о нём Эндрю и Джейк.

А ещё он мечтал. На выходных он медленно потягивал пиво или виски, сидя в полумраке большой комнаты и тихо слушая симфонию на старом проигрывателе, и говорил, что хотел бы увидеть любимую женщину, которую помнил всегда и вспоминает сейчас. Рассказывал о её красоте, доброте и заботливости. Но никогда не открывал причины их расставания. Слушая воспоминания нетрезвого дяди, парни понимали, что о горьких страницах жизни не хочется говорить. Они и сами старались не обсуждать друг с другом судьбу своей несчастной семьи. Стоило вспомнить о маме, на глаза наворачивались слёзы, а плакать в их возрасте – недопустимо. Становилось жалко и маму, и себя, и даже дядю. Вопрос с женщинами Ирвином решался довольно просто – изредка они появлялись в спальне дяди, но наутро от них оставались только запах духов и какие-нибудь забытые мелочи – губная помада, шпильки, резинки для волос и прочая ерунда. Мальчишки замечали, что даже к таким «одноразовым мамам» дядя относился бережно – не хамил, не позволял ничего лишнего в

разговоре, вёл себя не так, как их отец, которого они помнили довольно смутно, но то, что осталось в памяти от отца, всегда пахло спиртным, крепким табаком и отличалось не всегда приятным для уха словом. Ирвин – человек чересчур сердобольный и доверчивый – не шёл ни в какое сравнение с отцом, известным нью-йоркским гангстером.

Новый год – время радости и добрых перемен. Повсюду разноцветные гирлянды, акции. Дядя Ирвин купил старенький «Форд», обещал и ребят научить водить машину, как только выберутся за город. Он приготовил необычные подарки, по крайней мере, так сказал. Такие подарки, которые никто никогда им не дарил. Однако вместо того чтобы сблизиться с ним и каждое утро говорить: «Доброе утро, папа!» или, на худой конец: «Привет, Ирвин!», Эндрю объявил бойкот, причиной которого стало отсутствие дяди на показательных выступлениях по каратэ в школе, хотя в тот день он как раз был свободен от работы. Ко дню, когда продемонстрирует своё мастерство, накопленное за время тренировок, парень готовился долго. Каждый день они тренировались с братом во внутреннем дворике, отрабатывая удары и приёмы. Но какое же выступление, если по выходным дядя приводил домой женщин?!

Эндрю решил отомстить. Он взял без разрешения пистолет дяди. Нашёл пули, зарядил. Уходя, оставил записку, но не для дяди, а для Санта Клауса, если тот вдруг заглянет. Прочитав её, Ирвин ужаснулся, сколько ненависти накопилось у мальчика. Джейк не знал, куда пошёл брат, он доделывал сценарий. Ни Санта Клаус, ни подарки его не интересовали. Между детьми и дядей Ирвином словно существовала прозрачная, но очень прочная стена, и он решил изменить тактику по совету одной из подруг: взять ремень.

Эндрю позаимствовал пистолет не случайно: хотел встретить Санту, как полагалось, по-гангстерски. Ведь тот никогда не дарил ему то, что мальчик загадывал или даже писал в записке. Юный гангстер отправился к мегамаркету «Гигант», где толстый и всегда весёлый Санта Клаус одарял детей. Около него в полицейской форме и в длинном зелёном колпаке гнома стоял охранник. Ослепительно улыбаясь, полицейский махал рукой в белой варежке. В очередь родителей с детьми в этот раз пускали по разноцветным карточкам. О пропуске Эндрю позаботился – давно заметил его у Ирвина в шкафу. И прихватил, конечно, спрятав на всякий случай от брата второй купон, чтобы тот не помешал... Удача благоволила ему – парень заметил

знакомых людей: одноклассницу с её матерью. Фрида, увидев Эндрю, обрадовалась: она испытывала к нему тёплые чувства. Мама называла это симпатией и говорила, что со временем это пройдёт. Однако Фрида всё чаще наблюдала за Эндрю, делилась с ним новостями и улыбалась, когда улыбался он. На днях «бунтарь» чуть не подрался из-за неё. Лучше бы, конечно, он врезал Томасу как следует: слишком тот много шутил над ней. Как всегда, помешал тренер по бейсболу – мистер Грин – он всегда чувствовал, когда стоило подойти. Слушая бравого Эндрю, Фрида верила, что мальчик действительно герой, каких мало, и в её груди звонко пело.

Миссис Фэлч позвала одинокого Эндрю, поинтересовалась, где папа. Парнишка развёл руками, ответил:

– Скоро появится, не сомневайтесь, миссис Фэлч!

Загадочный мальчуган, необщительный, но приятный на вид. Она не находила ничего зазорного в том, чтобы он дружил с её дочерью.

Из больших колонок около входа в мегамаркет звучала новогодняя музыка. Двойка наряженных оленей привезла хор детей в разукрашенной телеге, зелёных, синих и оранжевых гномов. Они звенели маленькими медными колокольчиками и пели песню «Jingle Bells».

Санта Клаус подзывал детей и усаживал их на свои колени. Каждому предлагал засунуть руку в большой красный мешок и вытащить подарок. Причём мешков было два: один – для девочек, другой – для мальчиков. Кому-то доставалась машинка или говорящая кукла, кому-то – игрушка-фонарик.

– Где Эндрю, мам, не видела? – спросила Фрида озадаченно. Ей не терпелось нырнуть рукой в мешок с подарками и посмотреть, как Эндрю радуется за неё. – Скоро наша очередь!..

– И правда, куда пропал?! – огляделась по сторонам миссис Фэлч. – Наверно, его папа пришёл, и он с ним.

– Ни с места, подлый Санта! Засунь подарки себе в задницу!

Из толпы зевак вдруг выскочил человек в тёмно-коричневой маске террориста. В руках он сжимал пистолет. Закричал звонким, искажённым голосом:

– Санта Клауса не бывает, вас обманули, маленькие засранцы!

Одни дети заплакали, другие – замерли в ожидании чего-то страшного, прижавшись к родителям. Не каждый год на Санта Клауса нападали с оружием!

Террорист понёлся прямо на Санту. Сняв оружие с предохранителя, открыл огонь. Охранник заслонил собой Санту. Получив резиновую пулю ниже спины, застонал. Бросив мешки, дед Санта бросился наутёк. Прицелившись, террорист снова выстрелил. Ужас! Попал Санте в зад. Тот взвизгнул, подскочил – осой, жутко больно, ужалила пуля. Он выругался на чём свет стоит, меча огненные взгляды на зевак и детей.

– Ядрёна мать! Пришёл подработать, а тебе пулю в жопу! – убегая через торговый зал мегамаркета, орал Санта. Наполовину отклеилась его белая борода. Скинув тяжёлый новогодний наряд, он припустил быстрее.

Как внезапно началось покушение, так мигом и завершилось. Эндрю, забежав за угол мегамаркета, сорвал маску, спрятал поглубже пистолет, скинул свитер. Рискнул вернуться. Вокруг царила неразбериха. Достав пропуск, парень глядел обиженными глазами на примчавшихся полицейских.

– Террор, террор, освободить территорию! – голосила полиция.

– Где преступник?

– Кто-нибудь его видел?

Плакала Фрида, глядя на валявшийся мешок с подарками. Сквозь слёзы он расплывался в её глазах, превращаясь в красное большое пятно. Рыдали и другие дети, торопившиеся сюда в надежде получить игрушку: теперь они остались ни с чем. Родители успокаивали их:

– Подарок от Санты ждёт дома под ёлкой!

Прибежавший Ирвин забрал Эндрю домой. Всыпав пацану ремня, строго-настрога запретил брать его вещи без разрешения. Дядя написал целый свод правил, нарушать которые Эндрю и Джейк не имели права.

– Ты сам-то хорош! – внезапно закричал Эндрю. – Приводишь домой кого попало. Своим правилам-то следуешь чётко!

– Наглец, тебе мало?! – сжимая ремень в руке, рассерженный Ирвин собрался выпороть мальчишку второй раз. Однако тот улизнул в комнату, заперся и не выходил.

– Тронешь брата – за себя не ручаюсь! – предупредил Джейк. – Какой ты нам отец, если слушаешь только себя? Если бы наша мама была жива, она не позволила бы наказывать нас.

– Хотите знать?! Ваш отец никогда не был гангстером! А мать погибла из-за того, что жизнь привела её в стрипклуб! – вспылil Ирвин, бросив ремень. От бессилия он упал в кресло. – Не пойму, что Элиза

нашла в Корвене. Такая милая женщина... Я любил её больше жизни, – он дрожал, как замёрзший. Впалые щёки дяди стали мокрыми, заблестели в тусклом свете уходящего дня. – Говорил ей: ничего, кроме страдания, Корвен не принесёт! Ваш отец – наркоторговец и неудачник, которого подставили, как последнего тупицу. Умер он в тюрьме. Вслед за собой он уволок и вашу мать! И вы – неудачники и хамы!

– Не смей так говорить о наших родителях. Ты нам никто! – возразил Джейк. Слезы брызнули из глаз мальчика. Он закричал, заколотив кулаком по стене: – Ты всё врешь! Не верю!

Из комнаты выбежал Эндрю. Услышанное потрясло и его. Он с отчаянным недоверием смотрел на злого дрожащего Ирвина. Лицо мальчика искривила гримаса боли. Осознав страшную ошибку, дядя вскочил, будто ужаленный, сбивчиво просил прощения, пытаясь успокоить рыдающего Джейка, но мальчишка отмахивался, всхлипывая.

– Я не хотел, прости меня, ради Бога, – причитал Ирвин. – Я просто не умею обращаться с детьми. У меня никогда не было детей. Простите!

Квартира погрузилась в гнетущую тишину. Временами слышались глухие всхлипы. Плакали оба мальчика, закрывшись в комнате. Ирвин чувствовал себя отвратительно, им владело мерзкое состояние беспомощности. Эндрю и Джейк сводили его с ума. На миг он подумал о том, чтобы немедленно возвратить их в приют. Однако сразу же спохватился. Мудрый мужчина, охранник, который не раз попадал в опасные обстоятельства, теперь размяк перед трудностями, сделался квашнёй. В свои пятьдесят три года он стал излишне чувствительным. Виной тому – Элиза: она так и не полюбила его, воспринимала как друга. Её смерть лишь разбередила старые раны и снова пробудила ненависть к Спенсеру.

Когда-то они вместе работали в охране и были лучшими друзьями, но время шло, и Корвен, благодаря удивительной способности притягивать к себе необычных людей, изменился. Работа не приносила желаемого достатка, а новые друзья по доброте душевной вызвались помочь. Он жаждал безбедной жизни, полной адреналина и приключений. Сначала он приторговывал наркотиками, работая на нового «хорошего» знакомого, а когда стал неугоден, его «слили», как залежалый товар, по дешёвке.

Ирвин познакомился с удивительной красивой девушкой Элизой при загадочных обстоятельствах, когда они одни оказались на пристани.

Девушке и парню-крепьшу словно суждено было встретиться. Проснувшись рано утром от странного давления в груди, Ирвин решил прогуляться вдоль берега Тихого океана. Элизе тоже не спалось в тот день. Несмотря на штормовое предупреждение, она вышла из дома. Ей нестерпимо захотелось посмотреть на волнующийся океан. Повинуясь необъяснимому сильному зову, девушка жаждала проверить, правда ли в утренние часы глазам открывается совсем иной мир, не такой, как днём.

Дождь и ветер тогда разошлись не на шутку. Поднявшись на пристань, Ирвин заметил одинокую девушку с кудрявыми длинными волосами. Ёжась от холода, она вглядывалась в бушующий океан так, точно пыталась найти в его тёмных водах какой-то всеобъемлющий смысл. Молодость с её порой непостижимыми, но страшно приятными порывами бурлила в крови. Наверно, в тревожный миг непогоды Элизе хотелось увидеть и почувствовать то, чего не видели и не испытывали другие. То, что запомнилось бы ей навсегда. Изменило жизнь, открыло новое русло, обнаружило потаённое...

Пронизывающий ветер разбивал верхушки волн в клочья серо-белой пены. Казалось, океан вот-вот извергнет то, что давно поглотил. И это позволит разобраться и в себе, и в остальных.

– Что вы здесь делаете, мисс? – позвал тогда Ирвин. – Не время для прогулки, простынете!

Она посмотрела на него напугано, вопрошающе. Словно потерялась и не сможет вернуться без помощи.

– Я... – она хотела что-то сказать, но вдруг осеклась. Чья-то лодка, оторванная штормом от пристани, закрутилась в волнах, следом оторвало другую и тут же безжалостно бросило на причал. Шторм усиливался. Сквозь пелену солёной водяной пыли впереди виднелся растущий лиловый вал, огромный, прогнувшийся, словно от непосильного груза. Длинные молнии прорезали его бледно-синими жуткими зигзагами.

– Я на минуту представила себя той лодкой. Как страшно, когда разбиваются сначала твои мечты, а потом, вслед за ними, гибнешь сама. Как страшно... – повторила в глубокой задумчивости девушка. Она промокла и дрожала от холода. Эх, если бы знать, что эти слова станут неким предзнаменованием в её жизни, то Ирвин разорвался бы, но не допустил того, что произошло позже.

Юноша снял свой плащ и отдал Элизе. Вместе они побежали от берега прочь, продрогшие насквозь. По дороге молодые люди познакомились.

На следующий день Элиза заболела. Кашляла и чихала. Благо, что мать Ирвина работала в аптеке фармацевтом и разбиралась в лекарствах. После выздоровления они начали часто встречаться, строить планы, мечтать. А дальше... состоялось знакомство девушки с его родственником, Корвеном Спенсером. На вечеринке. Будь проклята эта способность Спенсера притягивать необычных людей! Он тут же залез Элизе в голову. После встречи с ним она уже вела себя по-иному, многое скрывала, а вскоре и вовсе перестала общаться с Ирвином. Соседки по секрету сообщили, что Элиза беременна.

Не проходило дня, чтобы Ирвин не проклинал брата. Вначале пытался гасить боль алкоголем. Но вовремя достало ума прекратить опасное увлечение. Прошли годы, боль утихла. Осталось красивое воспоминание – хрупкая фигурка девушки на фоне бушующего океана. Она сохранилась в памяти загадкой, главным романтическим приключением всей жизни.

Годы страданий пронеслись в голове Ирвина. Он стоял у окна и не видел красоты новогодней улицы: дома переливались гирляндами огней, у каждого двора были празднично украшенные деревья, а в окнах горели новогодние красавицы-ели.

Продолжение следует.

Рисует Евгений Бердышев

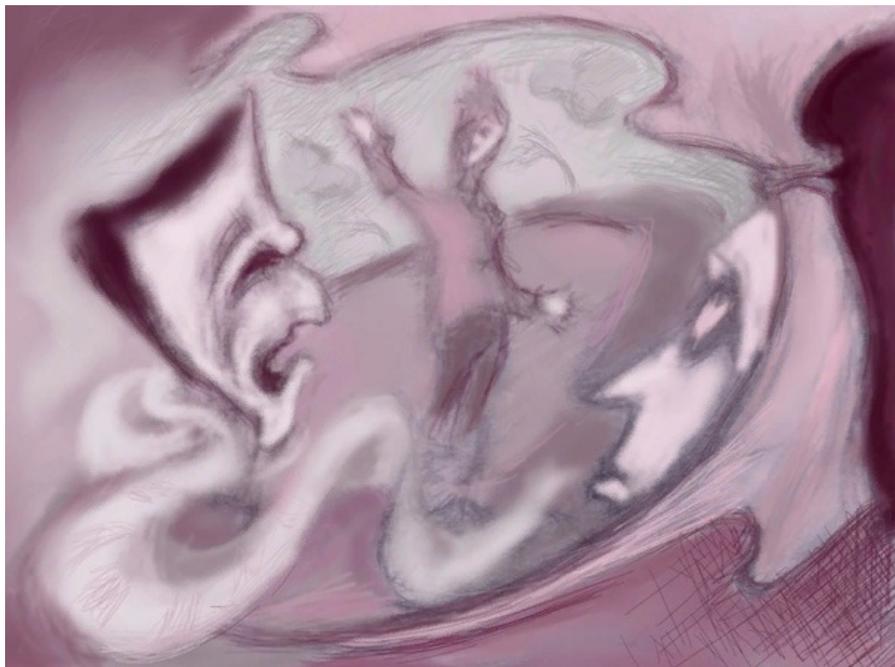

Иллюстрация к рассказу Игоря Петракова "Любимое стихотворение"

Иллюстрация к рассказу И.Петракова "Омск - город контрастов"

Юмор

АЛЬФ. Семейные истории Таннеров. Продолжение.

Из жизни скаутов

В гостинной.

Альф:

- Я сижу дома весь день!

Кейт:

- Лучше водить ребенка в детский сад.

Альф:

- Лучше доверить ребенка незнакомым людям, чем мне?

Кейт:

- Да.

Появляются Вилли и Брайен.

Вилли:

- Я рассказал скауту Брайену свои воспоминания. В следующее воскресенье Брайен поедет в свой первый поход с ночевкой (Альфу)
А ты не испытывал подобной радости.

Альф:

- Так подайте на меня в суд.

Вилли:

- Засыпать под звездами, греть руки у костра..

Альф:

- Ты кем был: скаутом или бездомным?

В спальне Брайена.

Альф:

- Спальный мешок?

- Есть!

- Пончо?

- Есть!

- Столовый комплект?

- Есть.

- Почему бы тебе не взять и важные вещи. Ты не хочешь идти в поход?

Брайен:

- Хочу.

Альф:

- Правильно. И Жанна д'Арк хотела пойти на барбекю.

Брайен:

- Я боюсь, когда темно.

Появляется Джейк.

Альф:

- Джейк, скажи ему, что нет причин для страха. Почему бы не устроить ночевку на заднем дворе, спать на воздухе..

Джейк:

- Мне нравятся потолки.

Альф:

- Дышать свежим ночным воздухом..

Джейк:

- В Лос-Анжелесе?

Альф:

- Сидеть под окном Линн..

Джейк:

- Что мне захватить?

Вечером. В палатке на заднем дворе.

Брайен (Джейку):

- Пока еще не очень страшно.

Джейк:

- Подожди, пока стемнеет. Луна зайдет за тучи. Поползет туман..

Появляется Альф.

Джейк:

- Что у тебя здесь, Альф?

Альф:

- Кое-что из снаряжения.

Джейк:

- Сейчас посмотрим.

Альф:

- Эй, у тебя есть ордер на обыск?

Джейк:

- «Тептели», «Великое путешествие», «Эрнест едет в лагерь».. Что мы будем с ними делать?

Альф:

- А вы не принесли видик?

Позже.

Джейк:

- И машина сломалась в угрюмом квартале Уоллес-стрит. И когда таксист вышел, большое облако пара выбралось из подземки. Из облака пара появился призрак подземки. И вместо одной руки у него был мерцающий крюк. Призрак помахал таксисту своей здоровой рукой. Тот перепугался и завопил: «Я закончил смену!» Но призрак подземки не знал, что это значит. Он забрался в такси, схватил таксиста за шиворот и уволок его с собой..

Раздается странный звук.

Альф:

- Это такси с призраком! (убегает)

В гостиной.

Альф (пробегая в спальню):

- Такси! Такси!!

Вилли:

- Альф уже ловит такси в доме. Когда я успел потерять контроль?

В спальне.

Джейк:

- Альф, что с тобой?

Альф:

- .. я похож на дурака? Я говорю о настоящей опасности, напр., о слизняках. Это угроза для тех, кто ходит босиком.

Появляется Вилли.

Джейк:

- Здравствуйте, мистер Таннер.

Альф:

- Привет, Вилли. Что случилось?

Вилли:

- Ничего особенного. Что случилось с тобой? Где Брайен?

Альф:

- Он во дворе. Сейчас мы туда вернемся.

На заднем дворе.

Альф:

- И больше никаких страшных историй!

Джейк:

- Где Брайен?

Альф:

- О, нет! Его мерцающе закрючили..

Джейк:

- Он в палатке, заснул.

И еще раз о кавалерах Линн

В гостинной.

Кейт (Вилли):

- Наука или спорт?

Альф:

- Выберет науку.

Вилли:

- Беру науку.

Кейт:

- Главный элемент планеты Юпитер.

Вилли:

- Это водород.

Альф:

- Это неверно. Пахта!

Кейт:

- Вилли прав.

Альф:

- Тогда почему ее называют «молочной планетой»?

Кейт:

- Кто называет?

Альф:

- Юпитеряне.

Появляется Брайен.

Брайен:

- Альф, вот тебе книжка.

Альф:

- Это задаром. За членство в клубе книги месяца. Это для Линн.

В спальне Линн.

Альф (читает):

- «Любовь подобна пицце».

Линн:

- А я не хочу говорить ни о любви, ни о пицце

Альф:

- По Шелли, ты упиваешься жалостью к себе. Доверься другу. Давай, доверяйся.

Линн:

- Ллойд хочет встречаться с другими девочками.. Я никогда никого не полюблю.. Альф, ты единственный, кто пожелал со мной поговорить об этом.

Альф:

- Нету других парней, с которыми ты хотела бы встречаться?

Линн:

- Есть. Денни Даффорд (показывает фотографию).

Альф:

- Этот чудак, что держит ведро?

Линн:

- Это Донни. Денни вот.

Альф (к книжке):

- Шелли, Шелли, дело за тобой, детка. «Глава 2. Действуйте.

Попросите друзей утрясти за вас дело». То, что нужно.

Позже. В гостиной.

Появляется Денни Даффорд, которому уже позвонил Альф.

Кейт:

- Привет, я миссис Таннер. А вы Денни Даффорд?

Появляется Линн.

Денни:

- Привет, Линн. Покатаемся? Только загвоздка в том, что у меня нет машины.

Вилли предоставляет свою машину Денни и Линн, и они

отправляются в кино. На заднем сиденье машины в это время прячется

Альф.

В кино. Денни отправился за водой для Линн.

Линн (Альфу):

- Зачем ты портишь мне свидание?

Альф:

- Это называется свидание? Это картина, написанная масляными красками. Избавься от этого щеголя Денни.

Линн:

- Это было бы невежливо.

Альф:

- Он нравится тебе?

Линн:

- Да. Нравится.

Альф:

- Несмотря на твои чувства к Ллойд?

Линн:

- А твое сердце было разбито?

Альф:

- Сколько угодно. Я был помолвлен с одной женщиной в продолжение 58 лет. Как же ее звали? Руби. Затем я встретил Ронду на пикнике.

Линн:

- Понимаю, Альф. Давай вниз, идет Денни.

Появляется Денни.

Линн:

- Денни, я хочу тебе кое-что сказать. Уже с десятого класса...

Денни:

- Я хотел сказать, что ты с десятого класса нравишься мне. Очень нравишься.

Линн:

- Как здорово.

Появляется Вилли.

Вилли:

- Простите.

Денни:

- Линн, это твой папа.

Линн:

- Папа!

Вилли:

- Привет, Линн. Привет, Денни. Линн, твоя мама не может заснуть сегодня, потому что у нее нет старого оранжевого пледа.

Линн (показывает на заднее сиденье):

- Я думаю, он вон там.

Вилли:

- Я заберу его и пойду домой.

Позже. В гараже. Брайен и Альф смотрят фильм в машине.

Брайен:

- Нет, нет, не открывай!

Альф:

- Она открыла! Что сейчас будет!

Вилли:

- Что вы смотрите?

Альф:

- «Возвращение сына обитателя большого черного болота».

Вилли:

- Можно и нам посмотреть?

Альф:

- Можно, только не разбрасывайте попкорн.

Альф и корреспонденты

В кухне.

Брайен:

- .. какой немецкий лидер начал вторую мировую войну?

Альф:

- Думаю, или полковник Клинт или сержант Шульц.

Появляется Линн.

Линн:

- Получите.

Альф:

- «Национальное кошачье общество», журнал для женщин.. Это от «Национального исследователя»! Линн, почитай.

Линн:

- Они хотели бы знать, не мог бы ты переделать свое письмо в статью для «Национального исследователя». Они готовы заплатить за статью 250 долларов.

Альф:

- Меня будут читать в одной из самых известных бульварных газетенек Соединенных штатов. Если бы мама это видела!

В гостиной.

Линн:

- Журнал «Исследователь» попросил Альфа написать статью об амазонках в космосе.

Вилли:

- У меня кровь стынет в жилах. Линн, почему ты помогала ему?

Линн:

- Он подписался псевдонимом.

Альф:

- Да, мистер Вселенная. Я подумывал о мистер Всезнайка, но решил, что это слишком.

Позже. На втором этаже. Альф звонит по телефону.

Альф:

- Мерилин Гейзер, пожалуйста. Спокойно, спокойно..

Мерилин:

- Вы были похищены пришельцами? Мистер Вселенная, не могли бы вы дать нам интервью. Мы заплатим вам 500 долларов.

Альф:

- Валяйте.

Мерилин:

- Подождите. Мы к вам приедем.

В гостиной.

Альф (Вилли):

- Помнишь, у тебя недавно кровь стыла в жилах. Это опять может случиться.

Вилли:

- Что?

Альф:

- Я позвонил им.

Вилли:

- Ты позвонил им?!

Альф:

- Подожди. Прибереги немного крови. Я позвонил редактору, чтобы выразить им свой гнев и возмущение, а они решили, что я контактировал с пришельцами.

Через час в гости к Таннерам пожаловали фотограф Фил и Мерилин, с которой Альф говорил по телефону. Фил случайно снял Альфа, когда Альф выглядывал из окна кухни.

Альф (Вилли):

- Верни их. Этот тип мог сфотографировать меня. Пока они не уехали с пленкой.

Вилли:

- Как?

Альф:

- Неужели я должен обо всем думать?

Появляются Брайен и Линн.

Брайен:

- Что случилось?

Линн:

- Почему папа бежит за машиной?

Вилли удаётся вернуть гостей. Он соглашается поговорить с ними.

Мерилин начинает интервью.

Мерилин:

- Приступим. Каким образом так называемые пришельцы установили с вами контакт?

В кухне.

Линн:

- Нужно забраться в машину и засветить пленку. Иди. Я попрошу папу потянуть время, а вы, ребята, должны достать пленку.

В фургончике «Национального исследователя».

Брайен:

- Альф, ты нашел пленку?

Альф:

- Нет. Но у них есть фотографии Розен Бар обнаженной. Это стоит сохранить. Эй, у них есть холодильник!!

В гостиной.

Мерилин (Кейт):

- Миссис Вселенная, ваш супруг как раз хотел рассказать нам, что значит быть главным блюдом на любовном пиршестве амазонок.

Кейт:

- Тогда я останусь.

В это время Линн показывает Вилли, что Альф съел всю пленку.

Мерилин:

- Жалко использовать такой материал для статьи. Что если мы предложим контракт на книгу?

Вилли:

- Попрошу вас покинуть наш дом. Мерилин, не обижайтесь, пожалуйста, но неужели у вас не возникло подозрений? Вы сидели и слушали, как я пересказываю старые эпизоды из «звездных войн».

Позже. На втором этаже.

Альф:

- Альф вызывает толстяка! Альф вызывает толстяка! Попрошу вас, ваша упитанность.

- Кто вызывает меня в такой час?

Альф:

- Это я, Альф. Не хотите послушать меня?

- Не хочу.

Альф просыпается.

Альф:

- Вот это да!! В следующий раз буду знать, как наедаться пленки на ночь.

Ноябрьские записки пятьдесят третьей группы

"Мы в Пушкинке всю зиму сидели, особенно - ноябрь"

Л.Репях

Новинки книжного рынка. А.Э.Еремеев. Как за двенадцать практических занятий спустить шкуру у студентов пятьдесят третьей группы. Ю.Хвостенко. "А река за нами все наблюдает и наблюдает" (лирические миниатюры).

Марина Николаевна Каплина изменившимся лицом бежит к пруду.

Чтобы не было мучительно больно за безхмельно прожитые годы.

Потому что нельзя быть на свете лингвисткой такой.

Расписание в школе для новых русских:

1. Чисто писание 2. Типа графия 3. Опа зиция!

"Любителям изящной словесности" (не уверен - не читай!).

Рецензия на роман А. де Сента Экзюпери "Планета людей". Занимательные очерки из жизни летчиков, так, один парень попал в пустыню и тусовался там в течение двух недель, пока не наткнулся случайно на араба. Вот было смеху-то, смеху-то!

Проткнуть и раздать математикам.

Классиков следует не только почитать, но и почитать.

Из бесед на экзамене.

- Мне видится, мы с вами где-то встречались..

- Да, профессор, я сдавала вам экзамен в прошлом году и ..

- .. не сдала? Ну, на этот раз у вас все получится. Кстати, вы не припомните первый вопрос, который я задавал вам в прошлом году? Ну, смелее!

- Вы спросили у меня - "мы с вами где-то встречались?"

Из лирики Алексея Липина.

.. колпачок от ручки сиротливо
на большом полу один лежит,
жизнь его нельзя назвать счастливой -
струйка пасты из него бежит,
весь обгрызан и обкусан сильно,
покарябан и исчеркан весь,
пыли слой лежит на нем обильный,
он давно уже кукует здесь.
Я возьму его к себе на службу,
предложу ему любовь и дружбу,
отскребу, отмою и очищу -
не узнаете теперь вы колпачище!

Каждый, кто на закате протирал плафоны в двести седьмой
аудитории, может кое-что рассказать о жизни.

Да, мало нас, по-настоящему скромных гениев.

Из лирики Алексея Липина

Странные картины я вижу пред собой...
Я в принципе ничего уже не вижу,
но Бог ты мой!

Лучшее украшение девушки - скромность и прозрачное платьице.

Самый тяжелый экзамен в расписании поставят первым.

Безупречный ответ всегда вызывает подозрение.

Если ничто другое не помогает, попробуйте прочитать задание к семинару.

Первый метазакон Даши Фрейвальд. Не все модальные слова являются модальными словами.

Второй метазакон Даши Фрейвальд. В школьном учебнике все слова называются модальными.

"Вы меня до того доведете, что я вас буду сбрасывать со второго этажа.. или сам выпрыгну"

А.Э.Еремеев.

Из лирики Алексея Липина

Вася лун Ли опоздал на урок.

"Что ты, мальчонка, не слышал звонок?" -

Света, спросив, достала сверло,

Васе от страха ногу свело.

"Тетя, я честно, больше не буду!"

"..это ты скажешь в пустыне верблюду!

Я же тебя проучу, сорванец!"

киянкой удар - и китайцу конец.

Делить на Муль нельзя.

Если эксперимент удался, что-то здесь не так..

Второй метазакон пятьдесят третьей группы. Неважно, что ты ответил неточно. Главное, чтобы этого никто не заметил.

Каждый узкий специалист узнает все больше и больше о все меньшем и меньшем и так до тех пор, пока не будет знать все ни о чем и ничего обо всем.

Пособие для подготовки к занятиям по русской истории "Рассказы бывалого императора, понимаешь, всяя Руси"

Из ветхозаветного. Кто может - работает, кто не может работать - учит. Кто не может учить - управляет.

" .. это писал-то нормальный человек, американец"

Н.Чемиренко

Все крупные состояния нажиты, к сожалению, не нами.

Из бесед на занятии по русской литературе.

В.М.Физиков:

- Ну, есть элементарные вещи, которые мы все знаем, например, сколько будет семь ю семь, Сергей?

С.Муся:

- .. сорок два.

Из лирики Алексея Липина

Здравствуйте, дети, я тетя Борейко,
не путать меня ни с рублем, ни с копейкой.

Девочка дома юсы учила,
ну а Борейко ее не спросила..
После уроков разгневалась Дашка -
остались от тети очки и рубашка.

Из анекдотов про М.Н.Каплину.

Однажды на кафедре русского языка некая М.Н.Каплина пила чай.
Из форточки подул ветер, чай пролился.

- .. кислота, вроде серная, - произнесла Марина Николаевна, шевеля расплавленны- ми пальцами.

Она читала "Улисс" как роман, а он оказался повестью.

Из рекламы словаря Ожегова.

- Сейчас такое время, когда всем необходимо пользоваться словарем Ожегова.

- Это так же естественно, как чистить зубы, принимать душ..

- Если ты действительно уважаешь своего партнера, ты должен первым предложить использовать словарь Ожегова.

- Иначе сегодня практически нельзя.

нам пишут

Уважаемая редакция! Не подскажите ли, какие ласковые или приятные слова могут, как бы помягче сказать, покорить сердце возлюбленной? Вы, говорят, много книжек прочитали, так уж напечатайте, будьте любезны.

- .. рекомендуем вам ознакомиться со статьей Л.Репях "Особенности образования просторечных существительных", вот лишь некоторые эпитеты, которые вы можете предложить на танцах своей односельчанке: гульня, брезгунька, деревушка, дурында, глупуша, басурманка, амурщица, вшивица, негодница, сплетница, хрычовка, гнусарья, горбунья, хрипунья, дурища, дурочка, гуляка, кривляка. Приятных вам встреч под липами!

славянский букварь

Хорив кинул Щека. Щек кинул Лыбедь. Лыбедь кинула Кия. Строй город, Кий!

У Олега - конь, а в коне - змея. Увидал Олег змею. У Олега шары - крупны, круглы. На, Олег, по шарам!

Из лирики Алексея Липина

Мал-по-малу

Поступил ты на филфак,
было что-то там не так,
но ты сессии сдавал,
мал-по-малу привыкал.

Припев:

Е - е .. мал-по-малу.

Ты тянул один билет -
на него ответа нет,
третий раз пересдавал,
мал-по-малу привыкал.

Вот уж пятый год пошел,
сдал ты "госы" и ушел.

Стал филфак ты забывать,
мал-по-малу отвыкать.

Костяшки

.. костяшки, костяшки валяются в углу.
Я возьму костяшку, подойду к окну..
солнышко сверкнуло, впереди подвал,
спросишь - "что случилось?" - это я упал.

Это я свалился из того окна,
где стоял с костяшкой, трогал облака.
Почему костяшки нет сейчас со мной? -
потому что, братцы, я совсем дурной.

анекдоты про Мильникову

Жил у Мильниковой черный козел- свистун. Пустила она козлика в лес погуляти. Вволю порезвился козел в лесу. Но напали на козлика серые волки. Прибежал козлик к Мильниковой, стал стучать в ворота:

- Пусти меня, Света!

- Подожди, козел! Сейчас Конфуция дочитаю и отопру.

Прочитала Светлана Евгеньевна Конфуция - отперла дверь, смотрит - остались от козлика рожки да ножки.

тост от Алексея Липина

- Однажды в один дождливый осенний день один умный-преумный студент попал в Пушкинскую-препушкинскую библиотеку, заказал интересную-преинтересную книгу, отстоял в длинной-предлинной очереди, подал свой контрольный листок красивой девушке, а та ему сладким-пресладким голосом говорит: "В отказах посмотри, да?" Так выпьем же за то, чтобы никогда не оказываться в отказах!

интеллектуальные беседы

- А крутые у вас на филфаке есть?

- Есть.

- Наверное, это те, которые в малиновых пиджаках и с цепями?

- Нет, это те, которые с тряпками и в очках.

из арии Е.И.Потаниной

Маленькие дети, ни за что на свете
не ходите в Углич в ножички играть.
В Угличе - лингвисты,
в Угличе - большие методисты,
будут вас кусать, бить и обижать,
не ходите, дети, в ножички играть.

из арии В.Бельдяна

Здесь ждет вас ужин и ночлег,
я печку истоплю,
ведь мальчиков и девочек я очень люблю.